

Седьмого января Марфа Кондратьевна уехала на «христианскую квартиру» и увезла с собою всех детей, якобы для молитвы. Ульяне и Любомиру она с утра не разрешила пить и есть, сказав, что иначе Бог их не услышит. И поскольку детей не было, а Лев Арнольдович самостоятельно караулил разбушевавшуюся Аксинью, я отправилась на прогулку в лес.

Недалеко от дома была полянка, где разлапистые сосны росли полукругом. Я начала медитировать: забирала энергию и вдыхала ее. Обрато я шла минут пятнадцать, но, когда вышла к домам, поняла, что передо мной незнакомый район.

– Что это за улица? – спросила я прохожих.

Такой улицы я не знала.

– Какой это район?!

– Чертаново.

Никакого логичного объяснения у меня не было. Но пока я блуждала по заснеженным тропкам, в моей голове родился план. Для его реализации требовалась поддержка детей и Льва Арнольдовича. Вернувшись к вечеру, я застала домочадцев у телевизора и объявила, что научу их мыть посуду.

Лев Арнольдович сходил в ларек за моющим средством, и я выдала каждому по губке.

– Обслуживать вашу компанию трудно. Я и так работаю с утра до ночи, а мыть за собой чашки и тарелки – ко-мильфо, – сказала я.

Тюка от возмущения задрожала. Глафира запротестовала:

– Мы никогда этого раньше не делали!
– Лиха беда начало! – ответила я.
– Мы москвичи! – заявил Христофор. – У нас другие права!

– Кто тебя учит так говорить?
– Мама!
– На войне вы сразу загнетесь. Надо всё уметь: раны перевязывать, еду готовить, посуду мыть. Буду вас наставлять! – пообещала я. – А теперь – вперед и с песней!

Марфа Кондратьевна опрометью умчалась. А дети согласились потереть губкой тарелки и чашки. Взамен я пообещала купить младшим зубные щетки, потому что зубы они не чистили. Никогда.

К рождественскому ужину, который в отличие от всего мира в России устраивают седьмого января, пожаловали гости: вдова погибшего в Чечне правозащитника Пестова и ее семнадцатилетняя дочка. Про таких говорят: «блаженные люди». Они шепеляво молились и без конца курили сигареты. Я угостила их, наскоро пожарив оладьи.

– Мы христиане, мы праведники, – без конца повторяли они.

Грузная пожилая женщина и ее стройная дочка были одеты бедно, но опрятно. Они, как и Марфа Кондратьевна, любили походы в церковь и признались, что там иногда бесплатно кормят. Лев Арнольдович предложил гостям выпить, они оживились и даже заплодировали.

– Аргентинское! Насыщенное! Дымные ноты! – сказал хозяин дома, разливая по стаканам вино.

Христофор и Любомир носились поблизости, кричали, прыгали, хлестали вдову и ее дочь вешалками для одежды и резиновыми динозаврами и бойко хватили с чужих тарелок оладьи.

Аксинья пару раз выбежала к нам в костюме Евы и сплясала. Зулай спряталась в уборной и не показывалась.

Вдова Пестова спросила:

– Полина, вы совсем не притрагиваетесь к алкоголю. Знаю, что на чеченской земле это грех. Но как вы тут с ума не сошли на трезвую голову? Одна из нянек умом тронулась! Всего восемь месяцев в доме Марфы Кондратьевны проработала! Так жаль девушку...

– После войны в Чечне меня трудно чем-то поразить! – ответила на это я.

Гости и Лев Арнольдovich заливисто расхохотались.

Вдова Пестова пожаловалась на невестку, помяная ее недобрыми словами, а после попросила меня почитать стихи, что я и сделала, по возможности отгоняя Христофора от гостей. Поняв, что побить вешалками их не получится, Христофор набросил отцовский ремень на горло Маты Хари.

– Послушай, Завоеватель, – сказала я, – раз ты говоришь, что веришь в Бога, сейчас же прочитай молитву! Прогони демонов, которые учат тебя совершать гадости!

Он озадаченно посмотрел на меня и убежал из кухни, оставив кошку в покое.

Когда гости ушли, я намекнула Льву Арнольдovichу, что у детей должен быть авторитет:

– Вы отец. Пора заняться воспитанием, потом будет поздно.

Лев Арнольдovich ответил:

– Мне небо давно с овчинку! Довела меня окаянная Тюка! – после чего отправился посреди ночи к непризнанному поэту на десятый этаж, прихватив с собой бутылку коньяка.

В субботу – свой первый выходной – я пешком отправилась на ближайшую почту, расположенную за три остановки от дома. В отделении работали приветливые

сотрудницы, они посетителей не гоняли, и мне удалось посидеть в тишине несколько часов.

С почты посчастливилось дозвониться до мамы, и выяснилось, что автобус, на котором она ехала из Ставрополя в Бутылино, сломался. Мама преодолела девять километров: шла сквозь январский буран пешком. В бараке ее ждала промерзшая насквозь комната, стекла в ней покрылись инеем изнутри. Коммуникации, несмотря на многочисленные просьбы, не подключили. «Только с первого апреля. Баста!» – заявили в администрации.

У мамы замерзли ноги и руки, пальцы опухли от сырости. Чеченцы, поселившиеся на окраине села, узнали, что у односельчанки нет отопления. Принесли ей термос с горячим чаем и пышки с сыром. Звали жить к себе, но она не смогла оставить собак и кошек.

– Ты деньги получила? – спросила я.

– Какие это деньги? Копейки! – отмахнулась она. – В следующий раз жду реальную помощь!

Обрадовавшись, что мама не сдаётся, я отправилась в центр, побродила по Пятницкой, знакомой мне по книге Леонова о Пашке-Америке. Полюбовалась на величественные здания Москвы и ее соборы с золотыми куполами.

Николя улетел в Канаду, и, чтобы вспомнить его, я купила ментоловые сигареты. Курить не курила, но сама пачка возвращала меня в то время, когда мы дружили.

Вернувшись, я обнаружила, что никто, кроме меня, не заправил за собою постель – одеяла и подушки валялись на полу. Никому в голову не пришла мысль сложить их хотя бы в общую кучу. Несколько подушек обмочили кошки, но ни взрослых, ни детей это нисколько не смущало.

Едва я завела разговор о беспорядке, Лев Арнольдovich меня перебил и начал вспоминать, как справлял прошлый Новый год:

– Пошел за шампанским с детьми. Аксинья стала бегать в магазине, открыла несколько банок консервов, наелась, а затем на кассе нас обсчитали на пятьсот рублей. Заметил я недостачу на улице!

– Почему же вы не вернулись за деньгами? – удивилась я.

– Я гордый! Это всё Аксинья виновата! Нечего было баюкаться, – пояснил Лев Арнольдович.

Поманив меня за собой, Христофор в коридоре объяснил:

– Папа – врун! Нас не обсчитали, деньги он на винишко припрятал! Папа в магазине мирно разговаривал, а на улице побил Аксинью.

– А ты что сделал? – спросила я.

– Отбежал подальше! Я его боюсь. Он говорит-то интеллигентно, а исподтишка может и ударить.

– Христофор, хватит папу сдавать, – сказала Глафира.

От юной девушки шел смрадный запах. Мне удалось затащить ее в ванную.

– Включай воду и мойся, – потребовала я. – Ты уже чешешься, Глафира!

Поняв, что сбежать ей не удастся, Глафира покорно вздохнула и открыла кран.

Любомир, вскарабкавшись на кухонный стол, декламировал:

Россия родная,
Какая краса!
Нам всем из нее
Убираться пора!

Рядом с маленьким поэтом урчал котенок Чубайс. Лев Арнольдович похвалил сына, а затем сказал:

– Много лет я мечтаю уехать в Израиль. Там умеют обращаться с инвалидами, там Аксинья не пропадет.

Но Марфа Кондратьевна не разрешает нам выехать. Все дети записаны на нее.

– Пойдите в посольство, объясните ситуацию. Еврей вы или не еврей? – сказала я.

– Это мысль! – вдохновился Лев Арнольдович, прислушиваясь к шуму, доносившемуся из гостиной: Мата Хари с наслаждением штурмовала елку, старинные игрушки летели во все стороны и звонко бились о паркет.

– Кто-то нам в дверь просунул конверт! – заметила Ульяна.

– Наверное, это Дед Мороз с опозданием подарок принес, – обрадовался Любомир.

Увы, всё оказалось куда прозаичнее.

Текст письма гласил:

«Бессовестные вы люди! Мы живем рядом с вами долгие годы и до сих пор не знаем, за что нас так люто покарал Господь! С вами нас объединяет общий коридор, в котором всегда полно вашего хлама. Коридор запущен до крайней степени и обгажен вашими кошками. Вы визжите и орете круглосуточно, бьете в стены и топаете как слоны. Пусть Новый год пробудит в вас желание к чистоте и порядку! Ваши измученные соседи».

Кот Мяо Цзэдун выглядел сконфуженно, напрудив у соседской двери.

– Ну-ка, брысь отсюда! – шикнула я на него.

Пожилая соседка, выглянув из своей квартиры, потребовала от Льва Арнольдовича убрать за питомцем.

– Идите вы! – выругался Лев Арнольдович, недовольно косясь на письмо.

В ответ соседка вспомнила его мать и бабушку дьявола, а потом приписала семью Тюки к древней профессии.

Морозными январскими вечерами Марфа Кондратьевна не могла посещать любимые всей душою правоза-

щитные митинги – боялась простуды. Сгорбившись, она сидела на кухне и утирала слезы, разглядывая прохудившуюся тонкую клеенку на массивном столе. Родившая детей в солидном возрасте, защитница прав человека никак не могла сообразить, что от нее требует супруг. Лев Арнольдович хотел уюта и вкусной еды – его желания были стары как мир.

Из перепалок между супругами всплывали картины прошлого. Лев Арнольдович в одиннадцатилетнем возрасте приполз домой на четвереньках, но у самого подъезда понял, что неведомая сила забирает его в открытый космос.

– Я сопротивлялся! Бился с инопланетным врагом! Утром соседи нашли меня в собственных нечистотах, а кругом – вырванная с корнем трава и сломанные кусты. Я хватался за них! Я смог остаться на Земле! – пояснял Лев Арнольдович.

– Меньше надо было «Тройной» одеколон пить! – хмуро отвечала Марфа Кондратьевна.

– Чтобы мальчишки в школе считали меня ботаником?! – возмущался ее бородатый супруг.

В призывном возрасте он попал в сумасшедший дом.

– Я сымитировал шизофрению, начитавшись нужной литературы! Я не хотел воевать! Но меня упрятали надолго, и мне реально сорвало кукушку от убойных препаратов...

– Ты буйнопомешанный! – не сдавалась Марфа Кондратьевна.

– А ты редкостная замараха! – огрызнулся он.

Как бы там ни было, дети у пары получились энергичные, красивые, каждый со своей идеей. Любомир слушался старших, любил пококотничать, пострелять глазками. Ульяна отличалась рассудительностью, любила комиксы. Глафира демонстрировала равнодушие ко все-

му, кроме книг. Даже когда родители проклинали друг друга, она не отрывалась от чтения, перелистывая страницу за страницей. Аксинья любила нагишом танцевать под музыку, а Христофор гневался на весь мир и порой хватал швабру или хворостину, чтобы отлупить родителей и больную сестру.

Лев Арнольдovich, выяснив, что я в свой выходной гуляла с детьми и убирала дом, а Тюка ничего не делала, наговорил ей немало оскорбительных слов, а потом почему-то вспомнил про мой дневник.

– Пригрели змею! Теперь-то ее дневник образами оживет! – заключил хозяин дома.

– Коварная чеченская змея пишет что-то по ночам! – со слезами в голосе пожаловалась ему Марфа Кондратьевна.

– Честное слово, дневником не издам, переделаю в роман, – пообещала я из общего коридора, решив навести там порядок. – Главное, сами себя не выдайте по глупости.

Правозащитники насупились.

– Да кто ее опубликует! – махнула рукой Тюка. – Нянька с претензией на гениальность!

– Тоже верно. Нам бояться нечего, – согласился с супругой Лев Арнольдovich.

– Военные дневники спрятала?! Почему мне не отдала?! И кстати, таких тетрадок, что писали люди в войну, пруд пруди. И никому они не нужны! Валяются по фондам и конторкам, как корм для мышей! – крикнула мне Марфа Кондратьевна.

– Дневники – это важный документ! – я молчать не стала.

– Кому они в Москве нужны? Детям зад намывай! Место свое не забывай!

– И за котами убирай да помалкивай! – поддакнул супруге Лев Арнольдovich.

Зулай вихрем промчалась из уборной в гостиную, подерживая снизу огромный живот.

Лев Арнольдович, достав из тайника бутылку коньяка, отхлебнул и продекламировал:

– Врагов победили мы слева, и справа, и сверху, и снизу. Теперь нам хана!

Дети прижались к стеклу лоджии, разглядывали взрывающиеся павлиньими хвостами фейерверки – у кого-то из соседей с Нового года остались петарды. Для этого им приходилось взбираться на горы из мешков мусора, лыж, дырявых сапог, покрышек, сломанной мебели.

Лев Арнольдович открыл кухонное окно (лоджия соединяла зал и кухню) и, взобравшись на подоконник, сочинил на ходу:

– Наш сосед патриотичен. Не пингвин, с балкона зрящий, он, как гордый буревестник, воздаёт хвалу дядь Воле, президенту президентов, запуская прямо в небо огнедышащие струи...

Петарды взрывались прямо под окнами, не было никаких специальных площадок, и, несмотря на поздний вечер, грохотало как в войну. Из подвала многоэтажки доносился детский плач, но любителям шума было всё равно, что там живут трудовые мигранты с малышами. Народ жаждал веселья.

Во втором часу ночи, лежа на шкафу и слушая скорбные постановления Зулай, я думала о жизни. Писатели сочиняют фантастику, а можно описывать всё, что происходит реально, это куда более захватывающе. Например, вполне стоило написать о том, как Марфа Кондратьевна изощренно вредила собственным детям. Чтобы дети не улеглись спать в десять вечера, она нарочно раззадоривала их, сбивая настроенный мною ритм. И тогда в общем шуме вела телефонные переговоры с диссидентами.

– Полина, вызови скорую помощь, – попросила Зулай. – Кажется, началось.

Скорая приехала быстро. Марфа Кондратьевна была настолько занята правозащитными делами, что наотрез отказалась ехать с Зулай. Лев Арнольдович спал на раскладушке, от него разлило коньяком.

– Полина, если всё закончится благополучно, я с ребенком сюда не вернусь. В Москву приехала племянница, поживу у нее, – охала Зулай.

– Всё будет хорошо! Храни тебя Аллах! – прокричала я вслед скорой, а соседка Лариса, выскочившая на шум в подъезде, перекрестила машину.

Разбудили меня Ульяна и Любомир, стуча по шкафу кулачками:

– Полина, мы голодные!

Я отправилась на кухню в надежде что-нибудь отыскать, но ничего не нашла. В углу прихожей валялся пакет из-под вермишели, которую Аксинья сжевала без всякой варки. Глафира, обложившись кошками, читала книгу на диванчике, не вникая в происходящее.

– Мы есть хотим! – присоединился к брату и сестре Христофор.

Я отвлеклась на телефонный звонок.

– Зулай родила девочку. Она в реанимации, я звонила в роддом, – сбивчиво сказала Лариса в трубку.

Я подергала ручку двери, ведущей в кабинет Тюки:

– Нужно ехать в роддом, Марфа Кондратьевна.

– Не выдумывай, Полина! Отлежится и придет, если нигде будет ночевать. Меня от важных дел не отвлекай! – рыкнула она.

– Продуктов в доме нет. – Я не уходила.

– Нечего было плов с курицей наготовлять! То бананы, то яблоки им подавай! На пирожки куда меньше средств уходило. Ладно! Позови-ка Льва. Выделю ему

тысячу рублей, пусть на рынок сходит, – распорядилась Тюка.

Дверь она так и не открыла.

– Ты, Полина, хочешь, чтобы родители нас нормально кормили! Наивная! Ты знаешь, что каждый раз на день рождения и Новый год мы получаем от мамы и папы «сиамскую розу»? – рассмеялась, отложив книгу, Глафира.

– Какую розу? – не поняла я.

– Это фигура из трех пальцев! – Глафира сложила кукиш и поднесла его к своему лицу.

– Скажи спасибо, сестрица, что хоть не из одного! – вставил Христофор, покосившись на отца.

Лев Арнольдович кряхтя опустился на четвереньки и тщетно пытался отыскать в коридоре, рядом со стиральной машиной, свои носки.

– Ты, Тюка, нарочно мои носки и трусы припрятала! – кипятился он.

– Трусы отца пропали без вести! – хихикнула Глафира.

Последний раз дети видели их на сушилке для белья, а далее носки с трусами канули в Лету.

– Я отправляюсь протестовать! Возможно, меня повяжут. – Марфа Кондратьевна с транспарантом, исписанным политическими воззваниями, гордо вышла из кабинета, небрежно бросив в сторону мужа бумажку в тысячу рублей.

– Вы волнуетесь за маму, когда она уходит? – спросила я детей.

– У нее всегда так, – вздохнул Христофор. – Или милиционеры ее свинтили в участок, или она в Европе зажигает.

– Не стоит за нее волноваться! – Лев Арнольдович вытащил из-под стиральной машинки черную рваную тряпку, задумчиво развернул ее, и оказалось, что это пропавшая неделю назад его любимая майка. Повесе-

лев, он добавил: – Нашу Марфу Кондратьевну всегда отпускают. У нее справка есть!

– Мама тоже лежала в сумасшедшем доме? – заинтересовалась Глафира.

Лев Арнольдович прыснул:

– Тюка – многодетная мать. Ей ничего сделать не могут!

Через пару часов Лев Арнольдович и Христофор притащили пакеты с продуктами и мощный бинокль. Откуда взялся новехонький бинокль, Христофор предпочел умолчать.

Я приготовила завтрак-обед. Аксинья, проглотив порцию горячего картофеля с рыбой и салатом, ликующе завывала и умчалась в коридор. Ульяна и Любомир бойко стучали ложками – просили добавки.

Христофор как бы невзначай спросил:

– Могу я исповедоваться?

– Да, – ответила я.

– Вместо батюшки я выбираю тебя, Полина! – Он показал на меня пальцем.

– Это еще зачем понадобилось?! – забеспокоился Лев Арнольдович, настраивая дребезжащий магнитофон у кадки с засохшей корягой.

– Есть у меня тяга вытаскивать из чужих карманов деньги! Я и из сумок ворую! Ничем не брезгую! – доверительно сообщил Христофор. – Скоро святой праздник – Крещение, вот я и решил сознаться в грехах.

– И тебя с праздничком, Христофор! – весело отозвалась я.

– Полине в нашем доме бояться нечего! Денег-то у нее нет! – вставила Глафира с набитым ртом.

– А вот у тебя, сестрица, в рюкзаке денежки были! – задиристо сказал Христофор.

Ульяна и Любомир засмеялись.

– Ах ты паразит! – От возмущения Глафира выронила вилку.

– Не догонишь! – брат показал ей язык.

Сцепившись клубком, они выкатились из кухни в прихожую. Затем в страхе заскочили обратно.

– Аксинья дерется! Хлопнула нас в коридоре веником по спине! – пожаловались они.

– Ай, молодца! – выдал Лев Арнольдович и включил на полную громкость песни Владимира Высоцкого.

Подбирая детские игрушки с паркета, я думала о маме: от холода у нее начали опухать руки и ноги. Односельчанка Дина разрешила ей греться у себя. Когда я жила в селе Бутылино, я знала Дину. Осенью у пожилой женщины пропала собачка, и я ходила ее искать. Я несколько раз спрашивала, нашлась ли любимица, но Дина отвечала, что нет. Оказалось, все это было ложью. Дина не смогла мне признаться, что случилось на самом деле, а с мамой разоткровенничалась. Сожитель Дины как-то выпил лишнего и начал качать права.

– Хочешь, я тебя проучу? – спросила его Дина.

– Ты не посмеешь!

– Смотри сюда! – Она схватила свою маленькую собачку, которая доверчиво жалась у ее ног, и распорола ей брюхо ножом.

Дина гордилась своим поступком, тем, что смогла припугнуть мужика, пусть и за счет питомца.

– Не ходи к ней! Человек, способный на такой жуткий поступок, продал душу дьяволу! – сказала я маме по телефону.

– У нас морозы. Без отопления я могу умереть, а она ничего плохого мне не сделает, – ответила мама.

Таким был ее нелегкий выбор.

К полуночи с митинга вернулась Марфа Кондратьевна. Она была злая как ведьма. Милиция отобрала у нее плакат «Вся власть – народу!» и пригрозила оштрафовать за вольнодумство.

– Мне нужно поехать в Ставрополь: зимняя сессия в университете, – сказала я.

– Никуда не поедешь! – недовольно фыркнула Марфа Кондратьевна. – Мне в Чечню нужно смотаться, а потом в Женеву. Ты с детьми будешь сидеть!

– Я не учусь за взятки, – напомнила я. – Мне нужно готовиться к экзаменам.

– Никуда не поедешь! – тихо, но грозно повторила Тюка. – И денег у тебя на дорогу нет. И я тебя не отпускаю.

Сердито засопев, она всё же разрешила мне распечатать на принтере несколько страниц конспекта по психологии.

– Читать будешь вместо сна! – распорядилась Марфа Кондратьевна. – Днем полно работы!

От переутомления у меня начались обмороки. Кошки отравились протухшей рыбой, которую им дали хозяева вместо нормального корма, и их тошнило. Дети с раннего утра до поздней ночи повсюду носились за мной, и я разрешила им обращение на «ты» и «сестра», потому что они всё время путались и называли меня то «тетушка Полина», то «родненькая сестрица», то «наша любимая мама».

Мои перемещения в пространстве походили на действия электровеника: Аксинью расчеши, младших накорми, всех одень, погуляй, Глафиру в ванну затолкни, дом убери, посуду вымой и еду приготовь.

Христофор вызывал отдельное беспокойство.

– Полина, ты была на войне? – как бы невзначай спросил он, мастера кораблик.

Мы договорились, что пустим корабль по весеннему ручью.

– Была!

– Значит, знаешь, как это – пытаться людей?

– Нет, не знаю.

– Мне очень хочется кого-нибудь попытать! Научи меня, пожалуйста! – взмолился мальчик.

– Христофор, ты знаешь, что причинять боль другим людям нельзя? – спросила я.

– Конечно, знаю, я же православный.

– Я не умею пытаться людей. И тебе не советую.

– Но это же замечательно! Им больно, а тебе приятно.

– Мне неприятно. И тебе приятно не будет!

Не прошло и получаса, как Христофор, наевшись фасолевого супа, вприпрыжку заскочил в гостиную, где сидели, переругиваясь у икон, Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович, и чиркнул спичкой. Родители залюбовались, как сыночек зажигает бенгальский огонь, а Христофор, схватив ничего не подозревающего Любомира, прижал к нему горячий металлический стержень. Любомир закричал от боли, а Христофор заливисто захохотал. Выскочив из кухни, я с трудом оттащила его от младшего брата.

Марфа Кондратьевна только и знала что причитать:

– Ах! Ах! Господи, помилуй!

Лев Арнольдович, насупившись, молчал.

Правая кисть у Любомира мгновенно опухла и сделалась багрово-красной. Я приложила заживляющую мазь, которую привезла с собой.

Ни Лев Арнольдович, ни Марфа Кондратьевна никаким образом не отругали Христофора за этот проступок.

Христофор в возбужденном состоянии носился по квартире, переворачивал столы и стулья и довольно хохотал. Аксинья истошно выла, вскинув голову. От голосовых вибраций больной на кухне перегорели лампочки, а из шкафа вывалилось и разбилось вдребезги стекло.

– Чувствуете? У нее своя вселенная! – Лев Арнольдович метнулся в комнату с раскладушкой, вытащил из ящика секретера пачку мелких желтых таблеток. Выпил сам и сунул детям по несколько штук.

Открыв Коран, спрятанный в дорожной сумке, я спросила у Всевышнего, что мне делать с Христофором. И вышло: «Встретились слепой и зрячий, мрак и свет...»

– Христофор, нам нужно поговорить. – Я посадила его напротив себя и подвинула ему чашку с чаем.

Христофор недоверчиво на меня покосился:

– Ругать будешь?

– Расскажу кое-что.

Истории о пророке Магомедe впечатлили мальчишку. Особенно ему понравился рассказ мусульманских богословов о старом слепом еврее, который просил милостыню у рынка и каждый день неустанно ругал пророка. Иногда люди делились с ним едой. Нищий довольно быстро привык к доброте одного мужчины, который ежедневно навещал его. Насытившись, он частенько жаловался ему на пророка Магомеда и новую религию, не стесняясь в выражениях. Учтивый благодетель не спорил, просто приносил ему пищу. Но в какой-то момент он исчез.

Нищий ждал его днями напролет, но мужчина больше не появился. Спустя какое-то время к нему приблизился человек и представился прежним другом, но нищий сразу раскусил обман. «Нет! – вскричал он. – От него разливался приятный запах, его еда была размягченной, чтобы я, беззубый, смог ее прожевать. Ты – это не он!» Мужчина признался, что является сподвижником прежнего благодетеля и пришел выполнить его доброе дело, но не хотел тревожить слепого старика грустным рассказом о смерти. «Кто же он был?» – спросил нищий. И, узнав, что много лет пророк лично приходил кормить его, а затем терпеливо выслушивал ругань в свой адрес, расплакался.

Христофор, наслушавшись нравоучительных бесед, на следующий день вызвался помогать мне на прогулке с младшими детьми. И пока на ближайших подъездах я расклеивала объявления о поиске работы, он подошел

к божу, дремлющему на остановке, и, порывшись в карманах, высыпал ему в руки мелочь. При этом мальчишка несколько раз оглянулся, дабы убедиться, что за ним никто не наблюдает.

Дома, на теплой кухоньке, под грохот радио «Эхо Москвы» Лев Арнольдович беспрестанно глушил коньяк и обдумывал хитрый план. Его супругу увели из квартиры правозащитные дела, а он размышлял над тем, как посетил посольство Израиля, что на Большой Ордынке. Там ему объяснили, что воссоединение с предками возможно, только если найдется справка с печатью, которая подтвердит, что перед ними настоящий еврей.

– Что же нам, горемыкам, делать? Как попасть на землю обетованную? – вздыхал Лев Арнольдович.

– Как что, папа? – удивился Христофор. – Разве мы не пираты? Давай возьмем их штурмом!

– Правильно! – возликовала Глафира. – Нужно митинговать у посольства! Станем в пикет, как мама на Пушкинской площади!

Я отыскала в буфете пакет с крупой и теперь перебирала ее, чтобы сварить.

– Неужели у вас нет бумаги, что вы еврей? – спросила я Льва Арнольдовича.

– Нет! – жалобно воскликнул он. – У Абрама имелась справка, что его бабушка – еврейка, а у меня нет даже таких документов. Мою маму записали русской, боялись преследования в СССР.

– Но родилась она еврейкой?

– Да! До девяти лет она носила другое имя, потом записали русской. Я делал запросы по архивам, в ответ – отписки или тишина.

– Надо быть решительными, делать революцию! – встряла в разговор Ульяна.

– Говорю же, идем брать посольство штурмом! – твердил Христофор.

– Это, кстати, идея... – Лев Арнольдович размечтался. – Возьму-ка детей, Аксинья будет кусаться, а остальные громко причитать: «Пустите нас в Израиль, мы евреи!» Пресса набежит! «Новая газета», ВВС... Не выкрутятся! И отправят нас в Израиль! Пособия дадут, пенсии... Аксинью в приют для душевнобольных устроим, пусть о ней заботится хорошее государство...

– Еще вы можете продать одну из московских квартир и купить себе виллу на берегу Средиземного моря, – подсказала я.

– Если бы хоть одна квартира принадлежала мне! Продал бы ее и сразу уехал из России. Но Марфа Кондратьевна не позволит. Она хочет в России жить и всё контролировать. – Лев Арнольдович помрачнел и обратился к детям: – Маме о нашем плане ни слова!

– Клянемся, папа! – пообещали они.

Объявившаяся к двум часам ночи Тюка поведала, что насилу вырвалась из милицейского участка, и стала агитировать нас идти в церковь на ночное стояние. Христофор, услышав предложение матери, затопал ногами и отчаянно завизжал. Ульяну и Любомира я уложила, они уже спали. Я велела Христофору немедленно прекратить истерику, а он притворно завыл и наврал матери, будто я шлепнула его полотенцем.

Глафира отругала брата:

– В ночь на Крещение в тебя, Христофор, вселились черти! Полина к тебе даже близко не подходила!

Марфа Кондратьевна обиделась на слова дочери и велела ей собираться.

Когда мать с закутанными в зимнюю одежду детьми вышла в подъезд, Христофор заявил:

– Я передумал идти в церковь! Буду до утра играть на компе! – после чего ускакал, предварительно свистнув у Тюки ключ от кабинета.

Лев Арнольдович только руками всплеснул. Марфа Кондратьевна и Глафира уехали.

– Тра-та-та! Замочу! Ухвачу! Но свое получу! – доносились от компьютера: там под руководством Христофора стреляли виртуальные танки и вертолеты.

Мне удалось выманить его из кабинета в пять утра. После этого я смогла распечатать лекции по психологии и начала готовиться к экзамену, но заснула прямо в кабинете за столом.

И приснился мне сон: два полюса Земли в виде прицела. Я находилась в Арктике.

– Внутри полюсов есть саркофаги, – сказал межгалактический капитан, появившись прямо из льда. – Саркофаги созданы из космического металла, каждый в виде двух капсул, что схожи с пирогами народов Океании. Капсулы наверху и внизу спаяны между собой. В одной из них – исполинский мужчина, в другой – исполинская женщина. Они пребывают в состоянии самадхи. Их энергия питает ваш мир. Они – Семёна. Садовники «посадили» их, чтобы на Земле взошел человеческий род.

Длинные саркофаги открыли и мне показали гигантов. Мужчина был смуглым, а женщина, наоборот, с европейским типом внешности.

– Запомни, Полина, – сказал межгалактический капитан. – Время на полюсах Земли течет по-другому. Оно изменчиво, чтобы сохранить корни.

Утром Аксинья решила залечь в ванне. Обычно она там ела пену или порошок, но в этот раз проворней оказался Лев Арнольдович. Аксинья начала стучать в дверь и воз-

мущенно мычать. Христофор поддел ножиком защелку, чтобы Аксинья убедилась, что ее не обманывают и в ванне сидит отец.

Марфа Кондратьевна, вернувшись из церкви, стала хотеть над проделками сына, и я проснулась.

– Зрелище малоприятное! Закройте дверь! – закричал Лев Арнольдович.

– Конечно, малоприятное! Ты, папа, купаешься без пены! – подтвердил Христофор, сунув нос в ванную.

Аксинья, оставив желание помыться, бросилась в незапертую кухню на запах. На лавках стояли черные полиэтиленовые пакеты, доверху набитые бутербродами и фруктами.

– Мы с Глафирой их из церкви принесли! – похвасталась Тюка. – После службы там накрывают столы для прихожан. Дают бутерброды с колбасой! Я на ночные стояния всегда запасуюсь пакетами. Как только служба заканчивается, сгребаю со столов добычу. Многодетной матери никто слова не скажет!

– Ясно! – меня разобрал смех. – Вы – мать-добытчица!

Дети, едва проснувшись, побежали на кухню и уже усиленно жевали. Аксинья запихивала в рот сразу по два-три бутерброда и проталкивала пальцами внутрь, чтобы побыстрее проглотить.

– Мне оставьте! – кричал Лев Арнольдович из ванной.

Насытившись, Христофор стал приставать к Глафире:

– Не дам спать тебе, монашка! Не дам!

В коридоре трезвонил домашний телефон. Зулай набрала мне откуда-то с другой окраины Москвы.

– Полина, я живая. К Марфе Кондратьевне не приеду. Нашла, где жить.

– Молодец! – похвалила я и спросила: – Ты слышала про Сусанну Черешневу?

– Да!

– Я от Марфы Кондратьевны про нее узнала. Похоже, это какая-то аферистка.

– Она документы подделывает и «в беженцы» определяет. Вначале нужно сунуть ей «на лапу», потом она делает вид на жительство в Европе.

– Понятно, что реально пострадавшим она не помогает, – протянула я, отгоняя Христофора от измученной Глафиры: он решил облить сестру холодной водой из кружки.

– И не поможет! Знакомые чеченцы думают, что она работает на ФСБ! – сказала Зулай. – Сусанна Черешнева окопалась в Финляндии. Поближе к международным грантам и фондам. Всюду своя. Любит бухать с режиссерами и министрами. Выступает в Европарламенте с докладами – нашла лазейку через правозащитные конторки.

– Изумительно! – Мне удалось отпихнуть Христофора от Глафиры, и вода из кружки пролилась на транспаранты Марфы Кондратьевны. Зато Глафира увернулась.

– Ага. Сволочь страшная. Шкура! Подружка Тюки. Будь осторожна. Если что, я тебе ничего не говорила. – Зулай повесила трубку.

Пока мы разговаривали, домочадцы прикончили бутерброды.

После трапезы по расписанию намечался просмотр серии «Фантомаса». Но Любомир бросил на пол стеклянный шарик, и тот разбился. Ульяна заплакала: шарик принадлежал ей. Лев Арнольдович не сдержался и шлепнул Любомира полотенцем.

– «Фантомас» плохо влияет на детскую психику! Не потерплю западные фильмы в своем доме! – распахнулась Тюка и выключила телевизор.

– Это же классика! – встряла я.

– Не православное дело – подобное лицезреть! – отчеканила Марфа Кондратьевна.

Христофор и Глафира, оставшись у потухшего экрана, начали драться за бинокль. Таскали друг друга за волосы. Родители бездействовали. Я, забрав младших в другую комнату, читала им сказки, а Тюка громко жаловалась супругу:

– Такую гадину пригрели у себя! За десять лет я впервые помыла чашку! Это она меня довела!

Лев Арнольдович ответил:

– Может, пора начинать, Марфа Кондратьевна? А то совсем забудешь, как это делается. Полина – молодец!

– Ты за нее, предатель?! – воскликнула Марфа Кондратьевна.

– Она меня борщом кормит! С черным хлебом и чесноком! – Лев Арнольдович причмокнул от удовольствия.

– Изменник! – злобно выкрикнула Тюка.

Глафира и Христофор, хорошенько подравшись, заметили, что дверь в кабинет не заперта, и наперегонки бросились к компьютеру. Чтобы одолеть сестру, которая была сильнее физически, Христофор пошел на хитрость.

– Она не святая! – заорал он на всю квартиру.

– Слушай, сынок, кого это волнует? – отозвалась мать.

– Она учится в православном интернате, а сама грешит! – надрывался Христофор.

– Мы вместе согрешили! – защищалась Глафира.

Лев Арнольдович начал было сочинять забавную частушку о происходящем, но тут выяснилось, что Глафира и Христофор подглядывали через бинокль в окна многоэтажки напротив.

– Он рассматривал, как девушка переодевалась! – выдала брата Глафира.

– А она!.. А она... – Христофор задыхался от возмущения. – ... Как мужик без штанов вышел из душа!

От компьютера обоих доносчиков прогнали.

Тщательно заперев кабинет, единственное место, откуда можно было выйти в интернет, Марфа Кондратьевна стала собираться на митинг. Лев Арнольдович тоже исчез, пообещав вернуться ближе к ночи. Дети сновали по квартире, подобно воробышкам: ни в школу, ни в детский сад они не ходили. Христофора в православном классе отпустили до середины февраля.

Любомир и Ульяна, вооружившись плюшевыми игрушками, колотили старшего брата, а Глафира, устроившись в потрепанном кресле у лоджии, увлеченно писала стихи в блокнот.

Христофор, извернувшись, изо всех сил ударил Любомира ногой, тот от боли согнулся пополам.

Я тряхнула Христофора за плечи:

– Не смей обижать маленьких!

Христофор фыркнул и пошел на кухню за чашкой. Залез на табуретку, но едва протянул руку к верхней полке, как у ветхой табуретки подломилась ножка. Завоеватель рухнул, а на голову ему с размаху шлепнулась жестяная миска.

– Я пират, а пираты не плачут, – повторял Христофор, пытаясь сдержать слезы.

– Но даже им следует помнить, что злодейство наказуемо. И так будет всегда, – строго сказала я.

Убирая чужой дом, я постоянно думала о маме.

Мама, вернувшись от грузинки Дины в холодный дом, потеряла сознание. Повезло, что ее нашла бабка Алиса. Приехать маме было некуда, здесь меня едва терпели. Выходных за месяц случилось всего два, но это никого не смутило, наоборот, мне не хотели давать даже их. Мама ждала от меня финансовой поддержки, но откуда мне было взять деньги? Я продолжала искать работу.

Мысли прервал звонок в дверь. На пороге стояла худенькая темноволосая женщина лет сорока.

– Меня зовут Оксана. Я из Украины, – представилась встревоженная незнакомка. В руках она держала сладкий рулет.

Дети, позабыв про горести и забавы, столпились вокруг. Аксинья угрожающе зарычала, попытавшись отобрать выпечку, но я не позволила, а разделила сладкое поровну.

Пока мы с Оксаной лезли в дыру на кухню, чтобы выпить чаю, Аксинья стащила с себя ночную рубашку, выбежала на лоджию и, найдя там литровую банку с вареньем, запустила ее вниз. Просвистев, банка угодила в одного из рабочих-мигрантов, чинивших во дворе канализацию.

В дверь опять заколотили. Пострадавший, весь в варенье, держался за каску.

– Ох! – стонал бедняга. – В меня прилетела банка с вашего балкона!

Его товарищ был настроен более агрессивно:

– Это сделала голая толстая девушка! Где она? Мы с ней разберемся!

– Здесь только я и дети, – сказала я.

– Неправда! Банку вниз бросила девушка! Мы ей волосы вырвем!

– Москвичи проклятые! Зажрались совсем! – неслось со двора.

На этаж следом за пострадавшими прибежали Давладбек и Рузи.

– Пойдемте, братья! – уговаривали сантехников дворники. – Няня из Чечни, работает здесь за ночлег. Чем она поможет?

– Богачи проклятые, вареньем кидаются! – крикнул пострадавший.

Мигранты – люди без прав, они поняли, что всё равно ничего не докажут. Мне было их жаль, но я не могла дать

во обиду Аксинью и детей. Повезло, что на голове у рабочего была каска. Она спасла ему жизнь.

На кухне царила анархия. Христофор и Глафира щипали друг друга. Оксана сидела на лавке, поджав ноги, и невозмутимо пила бледный чай без сахара. Любомир и Ульяна бросали в брата и сестру наполнитель из кошачьего лотка. Аксинья несколько раз ударила кулаком по стиральной машине, а затем начала демонстративно показывать голый зад сквозь дыру в двери. В этот момент позвонил Лев Арнольдович и спросил, пришла ли с митинга Марфа Кондратьевна. Я с юмором описала ему происходящее, и он бросил трубку. До Тюки было не дозвониться.

Как только удалось помирить детей, Аксинья опять начала рваться на лоджию. Мы с Оксаной вдвоем не могли ее удержать. Малыши визжали от страха, а ближайшая соседка стучала в стену колотушкой, но нам было не до нее. Когда Аксинья приходила в ярость, с ней не справлялся даже Лев Арнольдович, что уж говорить про нас. Мы – хрупкие создания – были совсем не похожи на санитаров из сумасшедшего дома.

– Марфа Кондратьевна всегда дает детям психотропные таблетки. Где они? – спросила Оксана.

– Я не знаю. Она ничего про это не говорила, – ответила я.

– У нее все дети больные! – поделилась со мной Оксана.

– Все дети?!

– Да! Аксинья стоит на учете официально, остальным Марфа Кондратьевна достает лекарства подпольно. У нее есть знакомый врач. Зовут Зинаида. Она на меня транквилизаторы оформляла. Я ходила в аптеку, покупала вроде себе, а на самом деле – детям. Они должны пить таблетки осенью и весной...

– Я ничего про это не знаю!

– А в столе у Льва Арнольдовича нет таблеток?!

– Христофор, посмотри в секретере, у папы были какие-то желтые таблетки, – попросила я.

Христофор рванул в маленькую комнату, но секретер оказался заперт.

Аксинья отшвырнула нас с Оксаной и все же вырвалась на лоджию, выискивая, что бы сбросить вниз.

К нам на помощь прибежала Лариса:

– Полина, давай младших заберу! Слышу, у вас больная разошлась!

Я согласилась.

Глафира умчалась вслед за Ларисой. С нами остался только Христофор, безрезультатно пытавшийся связать Аксинью прыгалками и полотенцем.

– Я вижу, ты хорошая девушка, – сказала Оксана, когда нам с трудом удалось запихнуть Аксинью в комнату отца и там закрыть. Больная крушила мебель, а Оксана продолжила говорить: – Год назад я пыталась зацепиться в Москве. Вместе с женихом мы приехали из Украины, еле сводили концы с концами. Марфа Кондратьевна обещала помочь. Я нянчила этих детей. Это был ни с чем не сравнимый ужас! Эти дети не нужны никому, даже собственным родителям. Оставив нас без денег и еды, Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович уехали якобы на пару дней, а трубку не брали месяц! Месяц! Я из-за этого чуть не рассталась с женихом. Загубила психику и здоровье. Сейчас я пришла, чтобы выпросить свой паспорт у Марфы Кондратьевны. Она его у меня отобрала. Теперь я даже домой не могу вернуться.

– А я не отдавала ей паспорт, – сказала я.

Судя по звукам за дверью комнаты, от книжных полок ничего не осталось – Аксинья вырвала их из стены и теперь по ним прыгала.

– Няньки всегда отдают документы хозяину... Я украинка, она у меня сразу документы забрала. – Голос Оксаны дрожал.

– Ты и других няnek знала?

– Здесь постоянно кто-то живет. Хозяева не платят, кормят плохо. В нянках беженцы или нищие из деревень. Одну девушку они обвинили в краже. Она плакала, божилась, что ничего не брала. Но деньги куда-то пропали, и ее с позором выгнали. Другая нянька не выдержала – сошла с ума. Полина, беги отсюда, пока не поздно!

– Куда мне бежать?! На вокзал к бомжам? Я беженка из Чечни. Нет никакой помощи от государства. Ни пособий, ни крыши над головой. Нет родственников, которые бы приютили хоть на одну ночь! Никакие правозащитники нам не помогают. Наоборот, как видишь, я с их детьми вожусь!

– Когда эти жулики пропали на месяц, я решила сдать детей в приют, а Аксинью – в сумасшедший дом. Звонила по адресам, говорила с социальной службой. Но в России, сама знаешь, система не налажена: советовали не торопиться, ожидать возвращения блудных папы и мамы. Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович мне ничего не заплатили, хотя вначале обещали. Паспорт не вернули! Я уже год живу без паспорта. Умоляю их вернуть мне документы!

В этот момент с красноречивым транспарантом «Путин – в Магадан, Ходорковского – в президенты!» в прихожую ввалилась Марфа Кондратьевна. Шарф, тройным кольцом обмотанный на шее, украшали снежинки, а нос правозащитницы был красным от мороза.

Увидев Оксану, которая съежилась от страха, Тюка недовольно скривилась:

– Что это такое?! Ты обязана предупреждать о своем появлении. Как ты посмела здесь появиться да еще и болтать с новой нянькой?!

Оксана вжала голову в плечи:

– Милости вашей прошу! Отдайте, пожалуйста, мой паспорт, госпожа Тюкина!

Я выразительно посмотрела на Тюку.

– Это я еще подумаю! – с вызовом ответила Марфа Кондратьевна.

– Вы нарушаете права человека! Отдайте чужие документы! – встряла я.

– Ты что, предъявить мне желаешь? – Тюка перешла на блатной жаргон.

– Я всё в дневник запишу! – пообещала я. – И буду потом всем про вас рассказывать!

Правозащитница побагровела от гнева, и теперь уже всё ее лицо, а не только нос, стало красным. Она опрометью метнулась в кабинет и вышла оттуда с паспортом. Оксана трясущимися руками сунула его в карман.

– В этом доме ты хуже всякой рабыни, Полина. Беги отсюда! Спасайся! Храни тебя Господь! – уходя, прошептала она.

Заглянув к Аксинье, я поняла, что счастье всегда где-то рядом: больная отыскала спрятанный Львом Арнольдовичем шампунь с запахом яблок. Допивая его, Аксинья начала улыбаться.

Глубокой ночью Мяо Цзэдун и Мата Хари вскарабкались в гостиной на иконостас и, обхватив лапами иконы, крутанули сальто в воздухе, после чего грохнулись на пол. Кошка отпрыгнула под диван, а кот икону из лап не выпустил и, приземлившись, начал ее скрести.

– Брысь! – сказала я, делая записи в дневник.

Мяо Цзэдун возбужденно мяукнул, подняв голову на свет фонарика, которым я его ослепила, а дети от грохота проснулись.

Лев Арнольдович забежал к нам, поднял иконы с пола, дернул кота за хвост и выбросил в прихожую.

– Завтра суббота! – напомнила я хозяину дома.

– Вот и посидишь с детьми! – грозно сказала Тюка. – И полки книжные починишь! – В полтретьего ночи она мастерила в прихожей новый транспарант.

– У меня выходной! – повторила я.

– Ты совсем не вникаешь, Полина?! – возмутилась она. – Я занимаюсь делами государственной важности! Мне завтра на Пушкинскую площадь! Ты тоже обязана ненавидеть Путина!

– Молока нет, – тоскливо напомнил супруге Лев Арнольдович.

– И хлеба, – поддержала его Глафира.

– Лучше бы вы с детьми поиграли, Марфа Кондратьевна! – вырвалось у меня. – Или покормили их!

– Я диссидентка! – надменно ответила Тюка.

– Понятное дело, – заметила я вскользь.

– А ты, наглая девка, принцессой себя считаешь? – возмутилась Марфа Кондратьевна.

– В смысле?!

– Я читала в журнале отрывок из твоего дневника. Ты подписалась «Принцесса Будур»! Ты считаешь, что пишешь как принцесса?!

– О боже! – вырвалось у меня.

– Чем ты покормишь нас завтра, о Тюка-диссидентка? – съехидничал Лев Арнольдович.

– Идите вы все! – заорала Марфа Кондратьевна. – Путин во всем виноват! Рыба гниет с головы! Поэтому в доме нет молока и хлеба!

Из-за стены слышались отчаянные проклятия соседей, которые пожелали, чтобы Марфа Кондратьевна оказалась на виселице.

В субботу утром Лев Арнольдович, так и не дождавись от супруги денег на продукты, одел Аксинью и пошел в лес. После ходьбы на пятнадцать-двадцать километров больная успокаивалась и не просила есть. Плюс транквилизаторы, конечно. Лев Арнольдович признался, что держит их в ящичке секретера под замком.

Марфа Кондратьевна упорхнула, а я снова осталась одна с четырьмя детьми, желающими шумных игр. От переутомления у меня закружилась голова и онемели руки. Пришлось прилечь на диван. Ульяна открыла дверь на лоджию, чтобы впустить свежий воздух, а Христофор принес стакан воды.

– Ты, Полина, не умирай. А то с нами вообще никто не будет возиться, – попросил Любомир.

– Постараюсь, – пообещала я.

– Мы сегодня ни завтракать, ни обедать не будем? – поинтересовалась Глафира.

Пока я не появилась в доме, дети обычно ели раз в сутки. Со мной стали есть два-три раза, правда, это зависело от того, давала Тюка деньги на продукты или нет. Деньги выдавались Льву Арнольдовичу крайне неохотно, каждый раз со скандалом. При этом Марфа Кондратьевна вспоминала, что раньше всех устраивали жареные пирожки, а теперь, в связи с моим появлением, начались изыски.

– У меня в сумке есть мелочь, – сказала я.

– Уже нет, – отозвался Христофор.

– Как же так, Завоеватель? – пожурела я его.

Он пожал плечами и грустно вздохнул.

Ульяна взяла журнал и махала им, как опахалом, перед моим лицом.

– У меня припрятана заначка, – Глафира сунула руку под пианино.

Пианино, расстроенное и побитое в семейных схватках, представляло собой образчик советской эпохи. Глафира долго скреблась и шуршала и наконец вытащила несколько смятых десятков.

– Что на это можно купить, ёшкин кот? – тоскливо вздохнул Христофор. – Буханку хлеба?!

– Несите сюда мои сапоги! – сказала я.

Сапоги, в которых я приехала из Бутылина, разорвались и пропускали воду, поэтому приходилось сушить их на батарее.

– Сапоги?! – оживился Христофор. – Похвально! А я не догадался...

В правом сапоге лежала купюра в сто рублей, припрятанная на крайний случай.

Я снарядила Христофора и Глафиру в пиццерию.

– Слушайте внимательно. У меня болит сердце. Не вздумайте драться и ругаться. Помните о миссии, возложенной на вас, и о нас, голодных! Всё ясно?

– Ясно, – хором ответили дети.

Глафира и Христофор побежали в пиццерию за остатками вчерашней пиццы – их отдавали почти задаром, а я, Ульяна и Любомир остались ждать. Минут через двадцать посланники вернулись. Не поругались, не подрались и, самое главное, не съели всё единолично в подъезде.

Наевшись, Христофор стал беситься: ударил Любомира по животу железной пряжкой.

– Ты должен меняться, Христофор! Я не могу находиться рядом с таким злым человеком! – отругала я его.

– Прости, Полина, но идея кого-нибудь попытать жжет меня изнутри...

– Начни с себя, Завоеватель, – посоветовала я.

Христофор задумался.

Лев Арнольдович с Аксиньей вернулись из леса затемно. Они обнаружили нас с детьми, спящими на диване в гостиной рядом с пустой коробкой из-под пиццы. В ней, свернувшись калачиком, похрапывал Чубайс.

– Ау, Тюка! – позвал супругу Лев Арнольдович.

Аксинья, замерзшая за долгие часы, проведенные на улице, постанывала от голода.

– Марфа Кондратьевна еще не изволила появиться, – зевая, ответила я.

– Наверное, ее увезли в участок... – сделал выводы Лев Арнольдович.

Ночью у меня снова немели губы и руки. И я подумала, что пришел мой смертный час, черт знает где – в квартире у Тюки. Как обидно! Чеченские дневники пропадут в подвале у дворников. Издательство не найдено...

Нельзя умирать! Не сейчас.

В воскресенье ближе к полудню на кухонном столе появились котлеты-полуфабрикаты из супермаркета.

Марфа Кондратьевна сразу отодвинула от меня упаковку:

– Ты, Полина, это есть не будешь! В котлетах наверняка свинина! А ты мусульманка!

– Такое время: куда ни посмотри – всюду поросята! – нашлась я.

Лев Арнольдович взял упаковку и прочитал:

– Котлеты куриные. Четыре штуки. Умная покупка!

Дети хихикнули. А Лев Арнольдович пошутил:

– Умная покупка для глупого покупателя!

– Мне готовить некогда! Не умею я! – рассердилась

Марфа Кондратьевна.

– Купите продукты, я приготовлю домашние котлеты! Рыбные или куриные. Это полезно детям! – предложила я.

Тюка разозлилась еще больше.

– Опять, Полина, лезешь со своей готовкой! Поели жареных пирожков – и хватит! Нечего наглотать!

Котлеты мы, разумеется, отдали детям, а сами со Львом Арнольдовичем пожевали хлеб и лук.

Немного опоздав на обед, явилась в дом правозащитников мать политического узника Ириса Тосмахина.

– Выходи-ка, Тюка, брехливая ты засранка! – завизжала с порога грузная дама.

– Хотите чаю, Арина Леопольдовна? – миролюбиво предложил гостье Лев Арнольдович.

Он успел выудить у супруги пятьсот рублей и купил в супермаркете молока и сахара. Дети от радости тискали Мяо Цзэдуна и плясали, изображая диких островитян.

– Марфа втайне хочет поженить моего сына и его пасию! А я против! Его посадили на десять лет. Он герой! Он мой! Тюка мне врет, а сама подстраивает его свадьбу в тюрьме!

– Вашему сыну сорок лет! – заметил Лев Арнольдович.

– И что?! Я против невесты! Я против свадьбы! Сейчас я Марфе Кондратьевне волосы-то повыдергиваю! Сейчас в морду ей дам! – Дама демонстративно закатывала рукава зимней куртки.

– Марфу Кондратьевну бить мы вам не позволим! – сказала я.

– Ты еще кто такая? Почему ее защищаешь? – удивилась Арина Леопольдовна.

– Дети! – скомандовала я. – Эта седовласая тетушка хочет поколотить вашу маму, сплотите ряды!

Дети посмотрели на меня изумленно.

– Люди ее часто мутузят, Полина! – хихикнул Христофор. – Иногда за дело!

– Но мы не позволим ее бить! – настаивала я.

– Ты слишком добрая, Полина! – Христофор покачал головой.

– Она ваша мать!

– Ну ладно... – Христофор встал рядом со мной. – Пират и абрек – друзья навек!

– Маму бить не дадим! – К нам присоединились Ульяна и Любомир.

Глафира предпочла спрятаться за книгой.

– Или чай, или уходите! – сказал боевой даме Лев Арнольдович.

Оценив обстановку, Арина Леопольдовна сменила гнев на милость. И только тогда ей показалась Тюка.

– Арина Леопольдовна, я ничего плохого не хотела. Это любовь! – с елейной улыбкой сказала она.

Они отправились на кухню с бутылкой вина, а я стала собирать детей на прогулку. Когда через пару часов довольные, набегавшиеся, мы вернулись, гостя уже ушла.

Лев Арнольдович сходил в аптеку и купил лекарства для поддержки сердца.

– Ты, Поля, нам живая нужна, – сказал он. – Помрешь, и на кого дети останутся?

Пока я размышляла над его словами, Марфа Кондратьевна прошла мимо со свежим транспарантом: «Ходорковский – свой парень! Свободу герою!» На транспарант был приклеен распечатанный на принтере портрет Михаила Ходорковского, вокруг головы которого красовались нарисованные желтым фломастером сердечки.

В коридоре Марфу Кондратьевну обругала недремлющая соседка, поймав с поличным проштрафившихся кошек. Тюка в ответ заорала:

– Вы не терпите оппозицию! – и ретировалась с гордо поднятой головой.

Мне пришлось убирать за животными, попутно извиняясь.

– Развели бардак! Куда катится Москва? – надрывалась пожилая женщина. – Твои хозяева алкаши или безумные? Что за люди такие бестолковые?!

Лев Арнольдович, сидя в прихожей, слушал ее и посмеивался в бороду.

– Надо на вас заявление написать куда следует! – подытожила соседка.

– Верно. Как во времена Сталина! – сказала я.

Соседка неожиданно смутилась и шмыгнула в свою дверь.

С митинга Марфа Кондратьевна вернулась невероятно взволнованной: прохожие ее хвалили за транспарант, и многие желали с ней сфотографироваться.

– Я скоро стану знаменитой! – сообщила она. А затем велела мне одевать детей: – В церковь пойдем на всю ночь, будем Господу молиться!

Дома осталась только Аксинья. Лев Арнольдович отправился к друзьям, воспользовавшись отсутствием супруги.

Я пила чай и радовалась, что, кроме громкого «м-м-м», нет никаких других звуков. Обнаружив, что впопыхах хозяйка дома запомнила запереть кабинет, я вошла в интернет и оставила на сайте по трудоустройству объявление о поиске работы.

Чуть позже выяснилось, что Марфа Кондратьевна и дети были вовсе не в церкви, а на кладбище.

– Мы втыкали свечи в землю и ползали по снегу среди могил, – признался во время завтрака Любомир.

– Любопытное православие... – прокомментировала я, накладывая в тарелки овсяную кашу.

Тюка делала детям знаки молчать, но им не терпелось поделиться впечатлениями со мной и с отцом.

– Святой старец и мама нам приказали ползти на коленях и читать «Отче наш»! Было страшно! – пожаловалась Ульяна. – Я боялась, что из могил привидения вылезут.

– А где Глафира? – недосчитавшись одного из детей, спросил Лев Арнольдович.

– Уехала в приют Божий, – кротко ответила Тюка.

– Мама имеет в виду православный интернат. Теперь Глафира только летом вернется, – пояснил Христофор.

После завтрака прочитать конспекты мне не удалось: пришлось выбивать ковры, забитые хлебными крошками и кошачьей шерстью, и пылесосить в прихожей.

Марфа Кондратьевна тихонько перебирала вещи в платяном шкафу, а затем вдруг сказала:

– Как же я тебе завидую, Полина!

– Чему именно? – удивилась я.

– У тебя вся жизнь впереди!

– А у вас, Марфа Кондратьевна, дети и муж! Есть свое жилье и еще квартиры, которые вы сдаете. Вы не нуждаетесь и не инвалид, слава богу. Я же после войны – раненая, безо всякой помощи! Даже своей комнаты у меня нет, – возразила я.

– У тебя есть молодость! – взвизгнула Тюка. – Молодость дороже всего на свете! Я старуха! А тебе только двадцать один год!

– Чувствую я себя на все сто, – грустно ответила я. Это было чистой правдой. Мир обычных людей казался мне примитивным и абсолютно пустым.

Но Марфа Кондратьевна оставалась на своей волне:

– У тебя есть возможность влюбляться! Выбирать мужчин и ходить на свидания!

– Да что вы говорите, Марфа Кондратьевна! А когда мне это делать, не подскажете? Я работаю на вас с семи утра до двух часов ночи! – напомнила я.

– Молодость! Любовь! Отношения! – в запале тарыхтела Тюка, сбросив с себя маску блаженной. – Время – самая дорогая валюта! Если бы мне сейчас был двадцать один год! Я бы летала как на крыльях! Я бы променяла на молодость всё, что имею...

Дни овивали мои запястья подобно лианам, превращались в браслеты-оковы, но в душе я ждала чуда и верила удивительным снам. Невозможно было осознать, что жизнь после войны должна закончиться так ничемно – в трудовом рабстве, и я мысленно стремилась создавать, творить, и желание это переполняло меня настолько, что затмевало все невзгоды.

Из дома правозащитников удалось вырваться во вторник. Взяв у метро бесплатную карту Москвы, я отправилась на Патриаршие пруды. Сориентировавшись, я пристроилась к группе туристов, чтобы послушать лекцию о Михаиле Булгакове. В глаза светило февральское солнышко, а знакомые с детства сюжеты гид пересказывал зычным, хорошо поставленным голосом, и я заслушалась, хотя помнила мельчайшие подробности из жизни автора романа «Мастер и Маргарита».

Побродив вокруг замерзшего пруда, где организовали каток, я искренне радовалась, что оказалась здесь, в месте, о котором когда-то столько читала! На Патриарших было многолюдно. Дети и взрослые катались на коньках. Когда-то именно сюда приводил дочек Лев Толстой. Михаил Булгаков и вовсе превратил Патриаршие пруды в знаковое место.

Группа сатанистов с бутылками крепкого алкоголя собралась у памятника Крылову. Памятник баснописцу возвели в 1976 году. Бронзовый Крылов застыл недалеко от своих персонажей: невежды мартышки с угрюмой физиономией, лающей на слона бестолковой моськи и простодушной вороны с кусочком сыра в клюве.

Люди в черном грязно ругались, пили из горлышка, курили сигареты и что-то оживленно обсуждали, постоянно поминая сатану. Проходящая мимо старушка остановилась и сообщила мне, что сегодня тринадцатое число.

– Их день! Вот сатанисты и пришли, – сказала она.

– Как удачно я попала, – ответила я старушке. – Первый раз такое вижу! – Всё было мне ново и интересно.

– Бог всё ведаёт! Адепты сатаны попадут в ад! – с этими словами старушка заСемёнила дальше.

Происходящее вокруг завораживало, эта реальность была другой, не похожей на ту, откуда прибыла я.

– Надо взорвать памятник Крылову! – неожиданно громко заявил один из сатанистов, высокий брюнет. – Здесь, на Патриарших прудах, он ни к селу ни к городу! Я оскорблен!

– Не надо! – ласково попросила его стоящая рядом девушка с зелеными волосами и увесистым серебряным кольцом в носу.

– У нашего Булгакова памятника нет, а этому басеннику поставили... – продолжал возмущаться парень. – Где справедливость?!

– И нашему поставят! – загалдели другие сатанисты.

– Слава Михаилу Булгакову! – крикнул седой мужчина с орлиным носом, выглянув из-за спин молодежи.

– Слава! – мгновенно подхватили люди в черной одежде.

– Всё равно взорвать не получится, взрывчатки мало-мало... – сказал с горечью худенький мужчина в надвинутой на глаза фуражке.

Я прошла мимо, скатилась с детской извилистой горки и повернула к павильону, воссозданному по образцам столетней давности. Рельеф и лепнина придавали ему очарование и воздушность ушедшей эпохи.

Пора было возвращаться в дом Тюки.

Любомир то хохотал, то плакал, встретив меня в коридоре у соседской двери. Христофор забросил свою шапку на люстру, свитер – в кошачий лоток, а сапоги полетели на раскладушку Льва Арнольдовича. Приучить его складывать вещи в одно место я пыталась, но родители позволяли бросать одежду, где ему вздумается.

– Завоеватель, объясни, в чем дело, – попросила я.

Оказалось, что таким образом братья требовали коробку жвачек, которую им не купили.

– Надо было купить, – каялась у икон Марфа Кондратьевна.

– В доме нет хлеба, – напомнил ей Лев Арнольдovich.

– А тебе лишь бы брюхо набить, старый мерин! – Тюка махнула на супруга рукой.

Видя, что Любомир и Христофор перевозбуждены, я вывела их во двор.

– Скоро папа поведет нас к тете Зине! – сообщил, хлопая ресницами, Любомир.

– В гости?

– В кабинет, – уточнил Христофор.

– Тетя Зина – доктор? – догадалась я.

– Пси-ки-атр! – Любомир с трудом, коверкая, выговорил трудное слово.

– Это, наверное, Аксинья пойдет к психиатру?

– Мы все туда ходим, – вздохнул Христофор и, вытащив из носа соплю, невозмутимо съел ее.

– Не может быть! – вырвалось у меня.

– Ну да, мы ку-ку, – засмеялись мальчишки.

– Всё будет хорошо! – сказала я.

– Мышки и птички тоже лечатся, у них тоже есть доктор, – поддержал беседу Любомир.

– Давайте в снежки поиграем? – предложила я.

– Лучше будем строить крепость! – обрадовался Христофор и побежал за лопатой к дворникам Давладбеку и Рузи.

О том, чтобы перепечатать тексты с дневниковых тетрадок в компьютер, не могло быть и речи. Глядя вслед Христофору, я понимала, что купаться мне придется в три часа ночи, но продолжала работать в свой единственный выходной, не в силах отгородиться от детей.

Голова болела нестерпимо, и вдруг яркой вспышкой вспомнился сон. Перед тем как приехать в Москву, привиделся мне мальчик, он сказал: «Родители не играют с нами, не делают уроки! Они бросят нас на тебя!» Сон был в руку.

В середине февраля после долгих зимних каникул Христофор отправился на занятия, а Марфа Кондратьевна настойчиво обзванивала детские сады с надеждой пристроить младших.

– Ульяну и Любомира к нам? Ну уж нет! – отвечали ей. – Мы еле вшей вывели с прошлого раза! На две недели сад закрывался на карантин!

Христофор тоже успел прославиться в районе – он сменил несколько школ. В одной заразил детей лишаем, в другой с упоением приклеивал на одноклассников козюли, и его выпроводили с пометкой «психическая неполноценность», а в третьей – обокрал завуча. Его пристроили в православный класс к знакомому батюшке, но даже там Марфа Кондратьевна ежедневно выслушивала горькие стенания верующего преподавателя.

Я рисовала с Ульяной и Любомиром гномов и великанов, учила их счету и грамоте.

– Это интересней, чем смотреть телевизор! – удивлялись дети.

Мы всё делали с помощью игры: узнавали названия птиц и зверей, морей и звезд во Вселенной.

– А когда подрастем, мы будем вести дневник, как ты! – обещали дети, наблюдая, как я украдкой делаю записи.

Христофор, придя домой из школы, зашвырнул сапоги на холодильник, к чайнику, и сообщил, что знает новую сказку.

– Катится Колобок по лесу, а навстречу ему разные звери, но на самом деле это никакие не звери!

Мы со Львом Арнольдовичем переглянулись. Я готовила обед, а он, сидя на лавке в кухне, читал свежий выпуск «Новой газеты».

– Батюшка сказал, что Колобок – это Иисус Христос, – многозначительно поведал нам Христофор.

– Как это? – спросила я, раскатывая тесто на вареники.

– Медведь идет навстречу Колобку. Медведь – это сладострастное искушение. Его можно избежать, если не поддастся на влечение плоти. А за медведем – топ-топ – идет волк, его никто не избежит. Волк – лютая болезнь, испытание от Господа.

– А лиса? – поднял брови Лев Арнольдович.

– Лиса – смерть. Ее нельзя обхитрить, все попадут к ней на язык. Колобок – Иисус Христос! – радостно продолжил Христофор.

– Иисус был худощав! Он постился, – встряла я.

– Колобок! Иисус – Колобок! – стоял на своем Завоеватель.

– Точно батюшка такое рассказал? – Тюка заглянула на кухню, недоуменно качая головой.

– Это старая сказка на новый лад, – объяснил Христофор.

– Ну тогда ладно, – успокоилась Марфа Кондратьевна.

– Я играю в православном спектакле! – сообщил Христофор, чем окончательно поверг нас в шок.

– Трехгрошовая пьеса? – скептически поинтересовался Лев Арнольдович.

– Нет! – Христофор надулся. – У меня одна из главных ролей! Я – херувим! Пьеса называется «Изгнание из Рая»!

– Когда премьера? – уточнила я.

– Завтра!

Назавтра все встали поздно, и, как я ни подгоняла домочадцев, они опаздывали, потому что Марфа Кондратьевна никак не могла отыскать среди транспарантов целые колготки и приличную шапку и пошла на спектакль в рваных колготках, черной водолазке и черной юбке, которые не снимала несколько недель, и в кепке, как у Ленина. Носки она натянула разные – черно-белый полосатый на правую ногу и оранжевый с красным бантиком – на левую. Какие отыскались! Лев Арнольдович тоже всегда ходил в разных носках.

В автобусе нас ждали приключения.

– Дамочка, – сказали Марфе Кондратьевне, – ваши дети скачут по сиденьям, как обезьяны, качаются на поручнях! Сделайте что-нибудь!

– Не понимаю вас, – ответила Марфа Кондратьевна с блаженной улыбкой на лице. – Дети ведомы Господом...

– Что это такое! Прекратите ноги вытирать о мою шубу! – истошно вопила какая-то старушка.

Тюка продолжала улыбаться.

– Женщина! Вы им мать или кто?! – возмутились пассажиры.

Я специально не вмешивалась, решив посмотреть, что будет.

– Мама! – Христофор свесился с поручня над сиденьями вниз головой. – Посмотри, как я могу!

Грязь с его ботинок потекла за шиворот пассажирам.

– Ой! Что же вы к детям пристали? Это ангелы, – выдавала защитница прав.

– Христофор! Любомир! Ну-ка, живо сюда! – не выдержала я.

Через минуту они стояли рядом:

– Слушаемся, Полина!

Пассажиры посмотрели на меня с восхищением.

Школьные охранники (мускулистый парень и пожилой, но крепкий дядечка) насторожились, увидев нашу внушительную компанию, и наотрез отказались пропускать Аксинью.

– Сумасшедшую впустить не можем, она детям вред причинит! – Нам перекрыли вход.

Аксинья от возмущения зацокала.

– Она не сумасшедшая! Она находится в своей вселенной, дураки! – обиделся на них Лев Арнольдович.

– А это еще кто? – охранники указали на меня, а затем потребовали: – Немедленно покажите паспорт!

– У меня с собой паспорта нет, – ответила я, подумав, что показывать документ нельзя: в нем написано, что я родилась в Чечне, а это все равно что черная пиратская метка.

– Я тридцать лет в милиции отработал, в девяностых бандитов крышевал и без паспорта даже не разговариваю. Уходите! – заявил пожилой охранник.

– Полина – моя старшая дочка! – не моргнув глазом, соврала Марфа Кондратьевна. – Она мне с младшими помогает!

– Нет! – охранники дружно взялись за дубинки. – Пошли отсюда! Живо!

Ситуация начала накаляться.

– Пропустите! – Марфа Кондратьевна попробовала зайти с другой стороны. – Я многодетная мать! Я правозащитница!

– Вы всё равно опоздали! – сказал парень, нахмурившись.

– Убирайтесь отсюда! – рявкнул дядечка и помахал перед нами дубинкой.

– Как ты, плебей, только осмелился произнести подобное в присутствии Завоевателя?! – возмущенно вскричал раскрасневшийся Христофор. – Ты – смерд, а я – гроза океана. Я никого не боюсь! Получай, милицейская крыса!

И он со всей мочи врезал ребристой подошвой сапога по лодыжке пожилому охраннику. От неожиданности оба охранники оторопели, а тот, что получил сапогом, скорчился и прошипел:

– Удавлю паскуду! Своими руками порешу!

– Да как вы смеете! Это ребенок! – пришел в негодование Лев Арнольдович.

В этот момент Аксинья схватила молодого охранника за плечи и, повалив на пол, начала душить.

– За мной! – скомандовала Марфа Кондратьевна и бросилась в лабиринты школьных коридоров.

Я, Ульяна, Христофор и Любомир в какой-то момент обогнали Тюку и помчались впереди, а за ней, ругаясь на чем свет стоит, неся Лев Арнольдович, таща за собой с упоением завывающую Аксинью.

Охранники кинулись следом, но в запутанных коридорах нас потеряли: мы с воспитанниками заскочили в подсобку, где не горело электричество. Дверь за нами захлопнулась. Мы лихорадочно стали искать другой выход, сдвинули пластиковую ширму и оказались на сцене, где разворачивалось театральное действо.

– Нельзя вкушать манящий грешный плод! Господь всевидящий немедленно настигнет! И будет кара! Кара всем грядет! – продекламировал смуглый Адам лет десяти.

Оробев от софитов, Любомир поскользнулся и, запутавшись в декоративном плюще райского сада, неуклюже свалился в зрительный зал. Детишки в партере довольно захохотали.

Сообразив, что произошла нелепая ошибка, я, Христофор и Ульяна попятились назад, к ширме, но тут, как назло, в подсобку влетела Тюка, а за ней Лев Арнольдович с Аксиньей. Оттого, что двигались они стремительно, а мы пятились им навстречу, произошло опасное столкновение: наша компания завертелась клубком и кувырком.

Зал взорвался аплодисментами.

Лев Арнольдович первым сумел вскочить на ноги и заголосил, не обращая внимания на зрителей:

– Вы опозорили отца! Позор вам! Позор!

– Что он сказал? Творца? – зашептались в зале.

Маленькая белокурая Ева в розовой накидке растерялась, широко раскрыв голубые глаза и в ужасе схватившись за животик.

– Этот мужик с бородой – Бог! Он шибко разозлился, – с настоящим актерским мастерством подыграл нам юный Адам. – Настал для грешников час расплаты!

– Вон отсюда! Вон! – орал Лев Арнольдович с перекошенной физиономией и от досады топал ногами.

Марфа Кондратьевна, я, Христофор, Ульяна и Аксинья, согнувшись в три погибели, поползли со сцены.

– Bravo! Bravo! – раздавались голоса родителей, которые вместе с детьми пришли на спектакль. – Оригинальная постановка! Сильно!

В черной рясе к нам торопливым шагом приближался хмурый священник.

– Учитель! – признал его Христофор и заполз за чьи-то ноги.

Дети на сцене, которые играли херувимов и демонов, стояли с открытыми ртами, совершенно позабыв слова пьесы. Ева в смятении прижалась к Адаму. Лев Арнольдович театрально взмахнул рукой, потряс бородой и спрятался в подсобке. Зрители продолжали хлопать.

– Так и знал, что вы натворите дел! – недовольно забормотал священник.

– Извините, – сказала я. – Мы от школьной охраны убегали.

– Занавес! – громко произнес он.

Марфа Кондратьевна тщетно пыталась найти сумку, оброненную в суматохе.

– Знаю я эту семью, – кивнул мне батюшка. – Вы их помощница?

– Да.

– Святой вы человек. Пойдемте к столу, дети-то, скорее всего, голодные.

– Спасибо, – сказала я.

– Не буду вас ругать, вылезайте. – Священник вытащил Христофора и Любомира из-за кресел, где те прятались. И представился: – Меня отец Феофан зовут.

– Полина, – сказала я.

– Мы не виноваты, – начала выкручиваться Тюка. – Мы вовремя пришли, а охрана нас не пускала.

– Вы на два часа опоздали, пришли к концу спектакля, – перебил ее отец Феофан. – Стыдно! Стыдно, Марфа Кондратьевна!

Он показал жестом следовать за ним.

– Приглашаем откусать с нами! Столы накрыты! – звонкий женский голос раздался из комнаты, смежной с театральным залом.

– Матушка Елена зовет, – подсказал Христофор. – Жена отца Феофана.

Батюшка посадил нас за свой стол. Он отличался словоохотливостью и дружелюбием, а матушка Елена – властностью и строгостью. Они идеально дополняли друг друга. Матушка Елена, накладывая нам внушительные порции картофеля с топленым маслом и запеченную рыбу, громко произнесла:

– Глупее и безобразней детей Марфы Кондратьевны я за всю жизнь не видывала! Все в нее!

Я, услышав резкие слова, обиделась за воспитанников, а Тюка молча уткнулась в свою тарелку.

– Внимание! Ну-ка, вспомним Господа и помолимся! –скомандовала матушка ученикам и многочисленным гостям. – Читаем хором «Отче наш»!

Все покосились на меня, как на нового человека, а я в общем гуле забормотала: «Аузу билляхи мина ш-шайтани р-раджим», а затем прочитала суру «Фатиха» из Корана.

– Дома вкусной еды нет, – шепотом напомнил мне Христофор. – Тащим отсюда всё, что можно.

Пока верующие отвлеклись на молитву, он беззастенчиво набивал карманы ватрушками.

Рыба, запеченная по старому русскому рецепту, оказалась вкусной, пряной. Лев Арнольдович и Аксинья

ели с удовольствием, вычищая тарелки кусочками хлеба. Марфа Кондратьевна наскоро похватила рыбу, переложив ее на хлебец, и вышла, предупредив, что ей нужно отлучиться на минутку. Любомир заскучал и начал капризничать. И стоило мне повернуться к нему, как из виду сразу пропали Ульяна и Христофор. Оказалось, что они залезли под стол и стали щипать людей за ноги. Матушка Елена, перекрестившись, встала на четвереньки и решительно ринулась за ними. Первой она вытащила Ульяну, а за ней упирающегося Христофора.

К требованию сейчас же перестать баловаться Христофор остался глух. Возникло опасение, что он обчистит карманы и сумки одноклассников, и я старалась не спускать с него глаз.

Лев Арнольдovich ушел по делам, предупредив меня, что Марфа Кондратьевна поможет довести детей до дома, но та как сквозь землю провалилась.

– Где Марфа Кондратьевна? – спросила я отца Феофана. Отец Феофан грустно вздохнул:

– Она сначала сумку искала. Как нашла, вызвала такси и на митинг отправилась.

В черной рясе, с бледным лицом отец Феофан походил на средневекового монаха.

– Христофор, немедленно отойди от чужого рюкзака! – Я поймала пирата за «делом».

– Мужайтесь, Полина, – молитвенно сложив руки, произнес батюшка. – Господь вас не оставит.

Домой детей я повезла сама. Что это была за дорога, можно легко представить: Христофор плевался как верблюд, норовя попасть подвернувшейся на улице жертве в пуговицу на пальто. Любомир наделал в штаны и громко ревел, а Ульяна обзывала его пищалкой и другими обидными словами. Аксинья вырывалась и норовила покусать пассажиров в автобусе.

Перестирыв одежду, искупав Аксинью и младших, я падала от усталости, но дети не хотели идти спать.

– Мама забыла про нас! – плакала Ульяна. – Я хочу ее увидеть, а потом пусть идет в кабинет.

– Она нас совсем не любит! – вторил сестре Любомир. Марфа Кондратьевна появилась в два часа ночи с плакатом «Даешь на Руси демократию!».

– Ты где была?! – зарычал на нее Лев Арнольдович.

Марфе Кондратьевне тон супруга не понравился. Не отвечая на вопрос, она схватила со стола вымытые мной тарелки и стала их бросать прямо во Льва Арнольдовича. Тот решил обороняться гладильной доской, непонятно что забывшей в их доме. Вероятно, это был чей-то нелепый подарок столетней давности.

Из позиции обороняющегося в какой-то момент он перешел в наступление и принялся с размаху охаживать бока жены гладильной доской. Пришлось их разнимать под неистовые крики Христофора, Любомира и Ульяны, к которым добавились проклятия соседей.

Мне досталось и доской, и тарелками.

– Полина всё запишет и опубликует! Мама! Папа! Перестаньте! – со слезами выкрикивал Христофор, наивно полагая, что мой дневник – прививка от человеческой глупости.

Когда супругов наконец удалось разнять, оказалось, что они одинаково недовольны мною. И Тюка, и Лев Арнольдович искренне надеялись, что я приму чью-то сторону.

– Вы мешаете мне укладывать детей! – я впервые повысила на них голос. – Сейчас же закройте рты и прекратите мутузить друг друга!

От моего окрика миротворец и правозащитница разбежались по разным углам.

Февральским днем, когда за окнами бушевала метель, в квартиру Тюки заглянул полный мужчина средних лет. Он был одет в зеленый шерстяной свитер, теплые синие штаны на лямках и вязаную малиновую шапку с белым пушистым помпоном, что даже для российской столицы выглядело весьма смело. Мужчина отряхнулся в прихожей, насыпав снегу с пуховика и калош, снял с себя громоздкие валенки, в один из которых тут же забрался Чубайс, и деловито представился поэтом и другом Марфы Кондратьевны.

– Павел Рябчиков – доктор наук! – с гордостью произнесла Марфа Кондратьевна, выйдя из кабинета.

– Доктор Пук! – передразнил мать Христофор, прыгая в трусах по прихожей.

Лев Арнольдovich сухо поздоровался с гостем, взял Аксинью, две старые пластмассовые канистры для воды, упругую хворостину и отбыл в лес к роднику.

Я подала хозяйке и гостю чаю с баранками и, пока прислуживала у стола, выяснила, что Павел Рябчиков сочиняет поэму о вечной любви.

– Птицы принесут нам на крыльях весну, – самозабвенно декламировал гость. – Деревья затрясут зелеными кронами, как лошади гривой, просыпаясь от вязкой стужи, а душа человеческая затребует страсти!

– Лучше поведай, Павлуша, как двигаются правозащитные дела. – Тюка хрустела баранкой и зевала: она не спала всю ночь, наблюдая за политическими баталиями в интернете. – Ты ведь придешь на митинг?

– Верхние соседи пошли в атаку, – как бы невзначай ответил на это доктор наук. – Они нас, диссидентов, ненавидят! Сживают со свету!

– Понятное дело! – Марфа Кондратьевна вскочила, отгоняя Мату Хари от плиты полотенцем, и охнула, схватившись за бока: сказались мужнины удары гладильной доской.

– Соседи дырочки у себя в полу просверлили, и теперь потолок над нами открывается. Неожиданно всё происходит! Соседи из бластеров стреляют в меня и в маму известкой с ядохимикатами! – доверительно сообщил гость, сощурив левый глаз. – А мамка моя старая, она из-за болотного яда долго не протянет!

Надо сказать, что в этот момент я застыла с чайником в руке, а Марфа Кондратьевна невозмутимо поддержала собеседника:

– Как вы правы, милый друг. Нас соседи тоже не жалуют! Постоянно норовят обозвать матерно или требуют убрать за кошками.

– Словами ругать – одно, а ядохимикатами прыскать – другое, особенно добытыми с подмосковных болот, – возразил Павел Рябчиков, отхлебывая чай.

– Фольга помогает, – со знанием дела сказала Марфа Кондратьевна. – Обклей, Павлуша, дома весь потолок фольгой. Не пожалей копеечки. Стоит рулон в супермаркете сущий пустяк, а защита какая – не пробить десятерым врагам! Истинный крест, никакая радиация сквозь фольгу не пройдет. Фольга от всяких вредных лучей защитит. Диссидентов как только не травят – и лучами, и известкой, и болотными ядами!

– А некоторые идиоты до сих пор верят, что Земля круглая! – довольно продолжил Павел Рябчиков.

– Никаких доказательств, что Земля круглая, нет. Раскрутили эту версию, вот и всё. Может, Земля плоская, как блин! – тут же согласилась Марфа Кондратьевна. – Нашей планете всего шесть тысяч лет, а ученые врут, что прожили миллионы и что здесь жили динозавры! Ложь на лжи! Верно только по Библии!

– Правильно! По расчетам библейским, только шесть тысяч лет Земле, плюс-минус пара веков, – закивал гость. – А иное утверждать – ересь!

Он покосился на меня, но я не была готова спорить, боясь спугнуть удачу, и превратилась в молчаливого истукана.

Далее выяснилось, что Павел несколько лет провел в закрытой психбольнице, где, собственно, они с Тюкой и познакомились. А сейчас он получил степень доктора наук в загадочном учреждении, которое именовалось «Академия Плоской Земли», но вот беда, пожаловался гость, диплом этого института никто в мире не признает.

При мне Марфа Кондратьевна Павла всячески нахваливала, а затем высказала мнение, что я и ее гость должны пожениться. За этим, собственно, Павел и пришел. Он сразу оживился и восторженно сообщил, что у него в спальне большая и холодная кровать.

– Только потолок иногда открывается... – предупредил он.

– Мне пора к детям! – сказала я, решив спастись бегством.

– Погодите, фольгой обклею потолок и приглашу вас к себе!

В коридоре громыхал канистрами и клял судьбу Лев Арнольдович, он привез воду на Аксинье. Больная крутила головой и тихонько жаловалась, опасливо поглядывая на сломанную хворостину в руках отца:

– У-у-у ...

Закрыв за собой дверь гостиной, я принялась играть с детьми в морской бой. Увлечшись, мы и вовсе позабыли про странного гостя, а когда я вновь пришла на кухню, его уже не было, а раздосадованная Марфа Кондратьевна сунула мне счет, который принес почтальон.

Счет на пять тысяч рублей был за телефонные переговоры между Москвой и Бутылино. Марфа Кондратьевна несколько раз громко назвала сумму и окончательно окосела от злости.

– Пять тысяч рублей ты натрещала по телефону! – взвизгнула она.

Это была чистая правда.

– Замечательно, – спокойно ответила я, глядя в глаза Марфе Кондратьевне. – Будем считать, что вы заплатили мне за месяц работы с детьми!

Тюка поперхнулась, закашлялась и не нашлась что ответить. Я достала с полки ручку, бумагу и прямо на месте произвела расчет.

– Вы видите? – спросила я Марфу Кондратьевну. – Вот сумма, которую вы мне еще остались должны! Это если считать по минимальной московской зарплате няни с вычетом еды и проживания!

Тюка продолжала задыхаться от негодования, ее уши стали красными.

Я взяла счет за телефон, сложила его вчетверо и аккуратно засунула ей в карман длинной вязаной кофты.

– Теперь она точно отключит междугородку, – предупредил меня Лев Арнольдович, когда багровая от злости супруга скрылась в кабинете.

Лев Арнольдович периодически отвоевывал у супруги часть детского пособия и покупал продукты. Когда это происходило, я и дети наедались сразу за несколько дней, до этого мы голодали.

Тюка старалась питаться в правозащитных организациях, куда забегала после митингов. Судя по ее рассказам, московские правозащитники любили веселые застолья.

Дома между супругами не прекращались скандалы. Они не обращали внимания ни на детей, ни на гостей. Ругань гремела на весь дом, и дети в такие моменты прижимались ко мне и закрывали уши руками.

Дважды я ездила в дальние районы Москвы к потенциальным работодателям, но смена там начиналась в семь

утра, а на дорогу нужно было потратить полтора часа. Нянчить ребенка с проживанием не предлагали.

В агентствах по трудоустройству у приезжих выманивали паспорта, шантажировали и вымогали деньги. Выслушав несколько историй от нянечек, я решила, что буду искать работу без посредников. Я с детства не любила шестерок, лебезящих перед боссами и наживающихся на тех, кто слабее.

Предоставив публикации из журналов Северного Кавказа, я получила в Союзе журналистов карточку международного уровня и договорилась в газете о правах человека, что буду передавать им материалы по Чечне. Платить гонорары мне, разумеется, не могли, да я и не просила.

Я ломала голову, что делать дальше.

Чтобы войти в интернет, приходилось ждать милости от хозяйки. Невозможность писать, искать работу угнетала. Спасалась я беседами со Львом Арнольдовичем, который не только любил выпить, но и читал хорошие книги. Он шутил о Хайдеггере и цитировал Ницше. Наслушавшись моих рассказов о селе Бутылино, где проживала мама, Лев Арнольдович предложил название для произведения о жизни в русской глубинке – «Тени стучатся в окна».

– Может быть, когда-нибудь я напишу такой роман, – сказала я.

– Дай мне, Поля, почитать военные дневники, я-то знаю, что ты их где-то спрятала, – попросил он.

И я втайне от Марфы Кондратьевны принесла ему тетрадки.

В субботу Лев Арнольдович увез сыновей и Аксинью в Подмосковье.

– Мы едем к волшебнику Потапу! – похвастался Христофор.

Старый друг Льва Арнольдовича – Потап – долгие годы путешествовал по Индии и слыл просветленным человеком. В городе Чехове он выстроил деревянный дом, где принимал паломников, а по выходным парил знакомых в бане.

– В следующий раз возьмем и тебя, Полина! – пообещал Лев Арнольдович.

В этот раз путь мне преградила Тюка, заявив, что никакого выходного не будет.

– Ко мне придут коллеги-активисты! Работай! Нечего прохлаждаться! – заявила она.

Ульяна простудилась и температурила, и я, помимо всех дел, следила за тем, чтобы девочка пила антибиотики, и поила ее куриным бульоном, принесенным Ларисой.

Выйти на улицу удалось на полчаса. Я стремглав добежала до почтового отделения и перевела маме две тысячи рублей, которые за полтора месяца трудов заплатила мне Марфа Кондратьевна.

– Это к тем пяти, что ты проговорила по телефону, – уточнила она.

Я и разуться не успела, как Марфа Кондратьевна велела пропылесосить полы.

Коты, довольно урча, прикончили паштет, спрятанный хозяйкой для гостей на лоджии. Пришлось коллегам Марфы Кондратьевны довольствоваться жареной картошкой, приготовленной мной на скорую руку.

Побывав с ночевкой у просветленного человека, Лев Арнольдович стал вести себя иначе: улучив момент, когда Тюка не давала мне укладывать детей, он отволоч ее в туалет, и там раздавался звук, похожий на пощечину. Затем он сделал супруге внушение:

– Если в доме появился человек, который взял на себя воспитание наших детей, мешать такому человеку воспрещается! Дети в час ночи должны не гарцевать, а спать!

После этого Христофор, получив от отца оплеуху, забился в кресло, а Любомир и Ульяна свернулись калачиком прямо на полу: они притворились спящими, словно испуганные зверьки.

Будни начались с того, что всё семейство, за исключением Ульяны и Аксиньи, выдвинулось на уличный протест.

– Митинг, – с раннего утра внушала детям Марфа Кондратьевна, – это самое главное в жизни!

На этот раз на митинге требовали не сносить старинное здание на окраине Москвы.

– Отчего вы не захотели помочь приюту для животных? – спросила я. – Когда несчастных котов и собак уничтожали сотнями? Об этом писали в газете! Я же вас просила!

Тюка смерила меня презрительным взглядом.

– Бездомных собак и кошек полно! Буду я еще о них думать...

– Я считаю, что животные больше нуждаются в помощи! Их совсем некому защитить!

– А что ты сделала для них? – хмыкнула правозащитница.

– В тот день кабинет не был заперт, и я, уложив детей, сидела на сайте всю ночь. Я пристраивала кошек и собак. Несколько взяли. Но большинство погибло!

– Всех не истребят! – отмахнулась Марфа Кондратьевна.

– Каждый школьник шлепни мента! Грохни мента! – пошутил Лев Арнольдович.

Христофор и Любомир взяли с собой игрушечные пистолеты.

Выяснилось, что на протесте будут скинхеды, они выйдут поддержать правозащитников.

– Молодцы какие! Пусть приходят! – довольно ворковала Тюка.

Пока я застегивала куртки Христофору и Любомиру, Лев Арнольдович успел рассказать историю о бабушке Феофане.

– Феофан раньше служил на флоте. Он профессиональный военный. Однажды корабль попал в жуткий шторм. Феофан знал: если произойдет оверкиль, никому не спастись, все пойдут рыбам на корм. Корабль накренился, затрещал... Бабушка перед смертью помолился – и чудо произошло! Корабль не потонул. После этого Феофан бросил службу, отправился в семинарию и стал бабушкой. Наша подруга, художница Рита, ходила к нему на исповедь. Рита рассказала Феофану, что у нее есть кот, он совсем старый и одолел ее капризами. «Котов на мясокомбинат! – ответил ей бабушка. – А вам душу спасти надо!»

– Котов на мясокомбинат! – довольно хихикнула Тюка.

С этими словами с громоздким транспарантом «Архитектура Москвы принадлежит нам!» Марфа Кондратьевна, Лев Арнольдович и мальчишки отправились на митинг.

– Полина, если у меня нет температуры, давай погуляем, – попросила Ульяна.

Я укутала ее и вместе с Аксиньей вывела во двор. Там мы встретили пожилую женщину. Ее избил сын-алкоголик, отобрал пенсию.

– Пойдемте со мной! – предложила я несчастной. – Я вас где-нибудь спрячу. У нас не квартира, а правозащитная берлога, и в ней постоянно крутятся чужие люди.

Старушка отказалась:

– У меня три сына. Один – алкоголик, второй – наркоман, третий – отшельник. Отшельник живет в лесу, сколотил себе избу, воду носит из реки, сушеными ягодами, грибами питается. Поеду я к третьему сыну.

Мы проводили ее до автобусной остановки.

Вернувшись, я включила классическую музыку. Аксинья кружилась и танцевала, а Ульяна уткнулась в мультики.

Привет, Дневник!

Моя жизнь проходит в заботах о семье, где я, по сути, рабыня. Несмотря ни на что я поклялась, что буду помогать маме. Но чем больше километров разделяет нас, тем лучше.

Мне всегда приходилось пробиваться сквозь непреступные стены, но самая главная непробиваемая занавеска была рядом.

Подавляя сопротивление невероятными усилиями, я окончила школу, поступила в институт, перевелась в университет, стала работать журналистом, уехала в Москву...

Даже разговор о том, что мои каштановые волосы можно перекрасить в золотые, мама восприняла с жуткой истерикой:

– Не-е-ет! Они не окрасятся! Не смей! Ничего у тебя не получится! Ты страшная! Страшная! Попробуй только покрасить, я тебе покажу!

Поистине, о моем детстве в Чечне можно написать триллер. И я долгие годы думала, что никогда ее не прощу. Иногда во снах я спрашиваю ее: «Зачем ты так мучила меня?!» Она только хохочет в ответ, и вокруг нее разливается огненное зарево.

П.

Ночью дом проснулся от грохота: коты в очередной раз сбили иконостас. На этот раз в прихожей.

– В селе Бутылино котов едят! Люди сыты и довольны. А нам как быть?! – заорал Лев Арнольдович, лежа на раскладушке.

Все засмеялись и не стали ругать усатых проказников.

Под утро мне приснился сон: я рассматривала модные платья в магазине, а в витрину било яркое солнце, отра-

жаясь в цветной мозаике пола. Покупателей в зале было немного. Я и сама пришла только поглазеть на товар. Какой-то парень и с ним две юные девушки стащили теплую куртку из отдела зимней распродажи. Они ловко сдернули ее с вешалки и побежали к выходу.

Я стала кричать:

– Воришки! Воришки! Стойте!

Испугавшись, жулики бросили украденную вещь и выскочили на улицу.

Погуляв среди красивых платьев, я вышла из магазина, никак не ожидая, что воришки захотят выяснить отношения. Они выглядели как панки: в рваных джинсах, пестрящих молниями, и украшенных клепками рубашках. Я встала в стойку, и девушки, накинувшись на меня с кулаками, мгновенно отлетели в сторону. Парень дрался неплохо, но я сделала ему подсечку. Молодые люди переглянулись между собой и растворились в пространстве.

В снах я привыкла распоряжаться происходящим: перекрашивать дома, бить стекла и восстанавливать их, отматывать ленту времени в разных направлениях, наполнять моря и пустыни сказочными обитателями. И оттого научилась чувствовать, когда внутри осознанного сновидения присутствует чужая энергия – ее невозможно контролировать.

Повернувшись к магазину спиной, я отправилась к озеру. Вода казалась прозрачной, глубокой.

Обстановка сна менялась: центральная улица с яркими клумбами и магазин остались позади, вокруг зашумел ясный лес, приветливо замахали лапами ели, а вдалеке показалась скала, очертаниями напоминающая взъерошенную собаку.

Девушки и парень, которые зачем-то пытались украсть зимнюю куртку, появились вновь и приняли совсем иной вид, строгий и неприступный. Девушки закутались в платки и белые одежды, а плечи парня

покрывал золотой плащ. Одежда в стиле панк исчезла, и передо мной предстали величественные духи мусульманского мира.

У юной девушки, вставшей от меня слева, кисти рук были украшены тончайшей росписью хной. Она соединила ладони, и в чаше их я увидела глубоководных чудищ, которые, резвясь, били хвостами и, ныряя, переворачивали корабли, затонувшие сотни лет назад.

Девушка справа от меня молитвенно подняла руки, и вокруг в воздухе появились изумрудные тексты – суры из Корана, они вращались по часовой стрелке и легко сменяли друг друга.

Духи пригласили меня покататься на плоту из массивных бревен, спрятанном в камышах. Мы отплыли на середину озера. Выйдя из тела, я наблюдала за происходящим с высоты птичьего полета: моя фигура стояла первой, за мной две девушки и чуть позади – парень.

Девушка, вокруг которой вращались суры из Корана, сказала:

– Ты очень сильная.

При звуке ее голоса я вновь оказалась внутри своего тела, перестав парить над озером.

– Ты нас удивила! – продолжила она. – Мы давно наблюдаем за миром людей. Мы думали, что ты не сможешь, не выдержишь, не преодолеешь. Человек не способен преодолеть столько, сколько выпало тебе. Предел установлен Всевышним. Но ты нас удивила. Ты смогла обойти Предел, и тебе был открыт путь дальше.

– Что значит «обойти Предел»? – спросила я.

– Когда испытания человеку не под силу. Всем было ясно, что ты сломаешься от боли и утрат, пойдешь ко дну, мы – это твой Предел. Но ты оказалась сильнее, чем предполагали духи и ангелы.

Девушка с узорами на руках добавила:

– Мы ниспосланы испытать тебя, мы принесли тебе многие беды и страдания. Сейчас мы пришли, чтобы выразить тебе свое почтение.

Она сняла с указательного пальца золотое кольцо в виде изящной двуглавой змеи и протянула мне:

– Возьми, Полина-Фатима. Кольцо твое по праву. Ты признана королевой змей за мудрость.

Юноша едва заметно улыбнулся, и они растаяли в воздухе.

Я осталась на плоту одна.

Проснувшись, я увидела, что Марфа Кондратьевна, прямо в уличной одежде, вповалку с детьми, сладко похрапывает на диване, рядом с ними – транспарант, а дверь в кабинет – нараспашку. Пришлось красться туда на цыпочках, чтобы проверить электронную почту. Оказалось, что ночью мне пришло сообщение: рядом с нами, в районе Ясенево, мальчику двух лет нужна няня. В письме его матери я прочитала: «Вы нам подходите. Мы изучили Ваше резюме. Работа с утра до позднего вечера». От восторга я пустилась в пляс прямо на разбросанных по полу правозащитных бумагах, флажках и манифестах с политическими воззваниями.

Растолкав Льва Арнольдовича, я сказала, что уйду на собеседование, и, набросив на плечи дубленку, помчалась по сугробам через заснеженные московские дворы.

Дверь открыла молодая женщина, моя ровесница.

– Здравствуйте! Я Виктория, – представилась она. – А сыночка зовут Дима.

Платить за работу большие деньги Виктория не могла: они с мужем арендовали жилье, приехав в столицу с Дальнего Востока. Но после Марфы Кондратьевны я была абсолютно счастлива тому, что она предложила, – пятьдесят рублей в час.

– Договорились! – Виктория пожала мне руку. – Приходите к нам завтра с утра, Полина, в половине восьмого.

На следующий день к моему приходу Виктория сварила грибной суп и запекла в духовке курицу с овощами. На кухонном столе меня ждала записка о том, что няня, то есть я, может брать и есть всё, что обнаружит в доме, а также пользоваться кремами и шампунями, а когда ребенок уснет, может сидеть в интернете или принимать ванну. На табуретке лежал новый байковый халат изумрудного цвета и брикеты домашнего мыла с запахом лаванды. Записка заканчивалась словами: «Примите наши скромные подарки».

Дочитывала я записку с совершенно мокрым лицом – плакала от чужой доброты. От меня всегда все только требовали, а родители мальчика Димы вдруг неожиданно позаботились.

Дима, синеглазый, с волосами как белый шелк, оказался спокойным ребенком. Мы строили башенки из разноцветных кубиков, учили звуки, а еще я читала ему сказки.

Марфа Кондратьевна, не обнаружив прислугу подле себя, рассвирепела и, едва я вечером вернулась, поставила мне ультиматум:

– Ты на целый день будешь забирать с собой Любомира и Ульяну! Ясно?! Иначе выгоню тебя на улицу!

– Я и так хотела уйти от вас в подъезд, – огрызнулась я.

– Полина, сестрица, заberi нас отсюда, – запрыгали вокруг меня Любомир и Ульяна.

Дрожащими руками я набрала номер Виктории и сбивчивым голосом внесла нелепое предложение, объяснив, что в доме, где я живу, дети целый день одни.

– Кормить можно нашей едой! Пусть играют вместе! – ответила на это Виктория.

У меня опять предательски потекли слезы по щекам. Тюка меня жестоко подставила, а Виктория, не зная всех деталей моего отчаянного положения, спасла.

Марфа Кондратьевна ответу Виктории обрадовалась и пообещала давать мне мелкие деньги на автобус. Ехать нужно было три остановки.

Это оказалась не последняя неожиданность: отправившись следующим утром на работу с Ульяной и Любомиром, я увидела на кухонном столе булочки, пирожные и шоколадные конфеты, заботливо припасенные родителями Димы. Появились новые игрушки: железная дорога, гоночные машинки и пазлы с героями диснеевских мультиков.

Днем, уложив детей спать, я и сама уснула. И впервые за последние три месяца, а может быть, и за всю предыдущую жизнь, спокойно и безмятежно спала.

Около полуночи начиналась моя вторая, неоплачиваемая, смена: следовало покормить домочадцев, чтобы они раньше времени не отдали Богу душу.

Христофор крутился у плиты и клялся в вечной дружбе: – Я твои карманы, Полина, не обчищаю! Ты мой лучший друг!

Накануне его поймали с бумажником отца.

– Если заловлю на краже, поколочу, – пообещала я.

– Договорились, абрек! – Христофор расхохотался. – Но я ловкий пират!

Чубайс и Мата Хари смирно сидели на подоконнике, я отучила их прыгать на кухонный стол кавказским методом: отведав мокрой тряпки, усатое племя отступило перед чеченскими традициями и перестало приправлять блюда шерстью.

Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович ждали, когда я подам горячее.

– Раз в сутки да возрадуется желудок! – ворковал глава семейства, стуча ложкой по тарелке.

Конечно, они не ожидали, что няня попадет именно такая. Они полагали, что из разрушенного Грозного к ним на выручку приедет малограмотная девчонка. Какая школа под бомбами? Но я выучила математику, торгуя на рынке, полюбила литературу, читая при свете коптилки. Историю и географию вызубрила, спасаясь под обстрелами в коридорной нише. Природный ум, доставшийся от предков, сыграл не последнюю роль, и я не позволила правозащитникам окончательно взгромоздиться себе на шею. Пусть не в открытой конфронтации, но я неизменногнула свою линию. Они же постоянно пребывали в неуверенности и страхе.

У нас в Чечне есть поверье, что в тех, кто пьет алкоголь, вселяются джинны и шайтаны. Лев Арнольдович писал рассказы и мечтал, чтобы их опубликовали. Исписанные бумаги валялись повсюду: от ящика с нижним бельем до кошачьего лотка. Отнести их в журнал или издательство у миротворца никак не получалось.

Марфа Кондратьевна пробовала сочинять пьесы, но встречи в иностранных посольствах, куда она постоянно ходила, не оставляли времени на творчество.

– Откуда произошел род человеческий? Отвечай! – Марфа Кондратьевна сунула мне под нос Библию.

Даже за столом она помнила о религиозных ценностях.

– Людей на планете оставили представители высшей расы! – засмеялась я в голос. – Гении создали мир для неопытных душ...

– Ересь! Богохульство! – возмутилась Тюка.

– НЛО! Кораблики! – захлопали в ладоши Христофор и Любомир.

– Не смей говорить подобное, Полина! – Марфа Кондратьевна потрясала Библией. – Мы все произошли от Адама и Евы!

– Иди ты, Тюка! – Лев Арнольдovich отодвинул ее в сторону, довольный, что я отругала Христофора за воровство. – Полина, дай мне горячую лепешку и сверху жареного лука положи!

– Мама, а как змей-искуситель забрался на райское дерево и там пригрелся? – спросил Христофор. – Это же территория Бога!

– Ах ты нечестивец! У Полины набрался ереси! – обреченно воскликнула Марфа Кондратьевна.

– Да, объясните-ка нам, госпожа Тюкина, этот феномен, – поддержала я Христофора.

– Может, змей на самом деле на Бога работает? – спросила Ульяна. – Вот и выполнял секретное поручение...

– Адам и Ева поженились, и от них произошли все люди на свете! Арабы! Русские! Китайцы! Братья женились на сестрах! Тети женились на дядях! – завопила на весь дом Марфа Кондратьевна.

– Эка ее понесло... – Лев Арнольдovich закрутил головой, ища бутылку коньяка.

– Не верите? – Тюка надула щеки.

– Не верю! – сказала я.

– Священники говорят, что близнецам можно друг на друге жениться! У Адама и Евы родились близнецы! – стояла она на своем.

Забираясь в два часа ночи по шаткой лесенке на шкаф, где лежал залитый соком липкий матрас, я провела рукой по небеленому потолку и тяжело вздохнула. В голову лезли странные мысли об искусственном происхождении материи и причинно-временных циклах, уходящих в точку отсчета. Так грифель карандаша уходит в глубину рисовальной доски.

Получив недельную зарплату у Виктории, я внесла взнос по кредиту, а детям Тюки купила халвы и орехов.

Виктория и ее супруг не переставали хвалить меня:

– Вы замечательная няня! Дима стишки запомнил, слова с выражением произносит! Он полюбил прогулки, сладко спит и с аппетитом ест!

Надо сказать, что их ребенок был развит не по годам, но я старалась придумать такие игры, чтобы вовлечь в них всех детей. Днем мы ходили на детскую площадку, и я катала малышей на качелях и каруселях, что вызывало общий восторг.

Окружающим казалось, что перед ними молодая мама. И, честно говоря, мне это нравилось.

Виктория между делом сообщила, что ее сестру, которая умерла в детстве, звали Полина, и когда бабушка Димы узнала, как меня зовут, разрыдалась.

– Иногда мертвые возвращаются к живым через тех, кто находится в нашем мире, – сказала я.

– Мы это поняли, – ответила Виктория.

Дома в прихожей я застала пожилого чеченца. Представительный седой мужчина в папаше и кожаной куртке с каракулевым воротником учтиво благодарил Марфу Кондратьевну за помощь сыну.

– Сын из Швеции написал, что у него все хорошо. Жилье дали! Пособие! Будет жить как человек! – радовался чеченец. – В России его за терроризм осудили и, если бы не московские правозащитники, уpekли бы за решетку на полжизни! Зашел вас лично поблагодарить.

Тюка рассыпалась в учтивости и просила гостя остаться, обещая угостить его чаем. Но пожилой человек вежливо отказался:

– Я на машине приехал. Ждут меня у подъезда.

– Русские во всем виноваты перед чеченцами, – горько стенала Марфа Кондратьевна. – Русские бомбили Чечню! Столько чеченских детей погибло!

– Русских детей в первую очередь, потом уже и чеченских, и ингушских, и детей других народов... – встряла я в беседу. – В Грозном-то в основном русские жили сотнями тысяч, они-то и оказались под бомбами!

Чеченец кивнул:

– Да, мы жили все вместе и вместе умирали.

Тюка недовольно фыркнула, сделав мне знак помалкивать, и умчалась в кабинет. Появилась она оттуда буквально через несколько секунд с пачкой новеньких пяти-тысячных купюр.

– Это вам, – сказала она чеченцу. – Примите от души. Здесь пятьдесят тысяч.

– Что вы! – отшатнулся мужчина. – Я не за этим пришел. Я только сказать слова благодарности. Уберите деньги!

Марфа Кондратьевна, согнувшись в поклоне, вытянула руки вперед и начала причитать на всю квартиру:

– Чеченцы пострадали! Чеченцы несчастные! Мы обязаны помнить нашу вину, наш грех! Вы обязаны взять деньги! Иначе вы обидите меня.

– Да не нужны мне ваши деньги, – отмахивался мужчина, попятившись к входной двери.

– Это помощь для чеченцев из правозащитного фонда, – не разгибаясь, жалобным голосом продолжала Марфа Кондратьевна. – Умоляю, возьмите. Простите наш грех перед вашим народом.

Я наблюдала за происходящим с открытым ртом. Несмотря на то, что мужчина протянул руку и взял пачку купюр, сунул ее в нагрудный карман куртки, после чего быстро попрощался и вышел.

В субботу я, Лев Арнольдович и дети поехали в гости.

Мойша и Рита жили у метро «Коньково». Их однокомнатная квартира в хрущевке, заваленная книгами, была настолько крохотная, что мы еле втиснулись на миниа-

турный диванчик в шестиметровой кухоньке. Комната больше походила на кладовку: в ней стояли стеллажи, картинные рамы, лыжи, лежали краски...

Мне пожилые супруги понравились сразу: Мойша – крупный мужчина с выразительным взглядом и приятным баритоном, и утонченная Рита, блиставшая эрудицией.

В советское время Мойша работал на телестудии, создавал мультфильмы для дошкольников, а Рита преподавала в университете английский язык. Сейчас она рисовала акварелью, иногда писала картины маслом и, если везло, продавала их у входа в метро; Мойша, выйдя на пенсию, увлекся фотографией и каждый год ездил в Карелию – фотографировал озера.

– Всю жизнь пахали, а нажили только эту тесную конуру, – пошутил Мойша, показав на стены. – В Европе у собак и то будки просторней!

– Полина, приходи к нам иногда, будем учить английский! – предложила Рита.

Увы, такого таланта, как у деда Анатолия, знатока шести языков, у меня не наблюдалось. Я самостоятельно учила в войну английский, но говорить было не с кем, да и сейчас, кроме Риты, никто из моего окружения не знал по-английски ни слова: Лев Арнольдovich и Тюка всегда пользовались услугами переводчика.

За столом Мойша и Рита поделились горем: их единственный сын Мирослав оставил суету мирской жизни и отправился в монастырь, став послушником.

– Его ряженые одурачили, заставили печь просфоры. Он на церковь работает бесплатно! Там дурачков любят, – сетовала Рита, пытаясь вилкой наколоть фасоль в винегрете, та ускользала. – Вся беда из-за девушки приключилась. Прикипел он сердцем к однокурснице, а она посмеялась над тем, что он неопытный в отношениях. Разбитная, прожженная попалась. Выставила его на

посмешище перед студентами и преподавателями: мол, молодой, в интима ничего не смыслит. Вот он университет бросил и подался в монахи!

Рита угощала нас винегретом, подавала плюшки с сахаром. Дети Тюки с жадностью набросились на угощение, не обращая внимания на разговоры взрослых.

Мойша и Лев Арнольдovich пили красное вино, мы с Ритой – чай, а за окном плыли серые снежные облака, навеивая чувство безнадежности.

Христофор, наевшись, отыскал в старом альбоме несколько чистых листов и принялся рисовать для меня парусник.

– Когда я вырасту, ты, Полина, еще не будешь старой, – размечтался он, сидя на полу среди разбросанных карандашей. – Я смогу на тебе жениться, мы станем покорять моря и страны, искать сокровища...

Я, Ульяна и Любомир, слушая его слова, веселились.

– Полина – наша Че Гевара! – резюмировал Лев Арнольдovich. – Надо ей крутой берет купить! Она революцию сделала – научила Марфу Кондратьевну чашки мыть!

Поскольку всю неделю Тюка от меня успешно скрывалась, я решила ее подкараулить. Ночью она на цыпочках кралась из кабинета в спальню, а я выскочила навстречу из туалета.

– Что надо?! – заикаясь от неожиданности, спросила Марфа Кондратьевна.

– Деньги! – жестко сказала я.

Правозащитница бросилась обратно в кабинет, и ей почти удалось захлопнуть дверь, но я успела подставить ногу – маминьи уроки не прошли даром.

– Когда отдадите деньги за проезд?! – спросила я.

Марфа Кондратьевна сунула руку под черную водолазку, вытащила из бюстгальтера пятьсот рублей, швырнула их мне и захлопнула дверь.

– Это всё! – истерически прокричала она.

Наутро Лев Арнольдovich оставил Аксинью на Марфу Кондратьевну, которая от его поступка рвала и метала, а потом заявила, что это вражеский сговор – лишь бы не пускать ее на воскресный митинг. Мы, невзирая на гремящие вслед проклятия, дружно собрались и отправились к мистику Потапу в Чехов.

Сидя в электричке, под детский смех я перебирала сны, словно четки: коралловые острова в океане, где зеленые пышные пальмы и кристально-белый песок; пиратская шхуна с парусами, сотканными из грешных человеческих душ, ведомая межгалактическим капитаном. Моя одежда во сне была грубой, в отличие от расшитого жемчугом камзола мистического флибустьера, а мои светлые волосы, заплетенные в косы, перехлестывали белые ленты. Я и межгалактический капитан, стоя на корме парусника, различали под толщей океанской воды светящиеся спиральные галактики.

– Ты видишь будущее и прошлое одновременно, поэтому происходит путаница, – задумчиво сказал межгалактический капитан.

Тюка во сне превратилась в равношипного краба и бестолково клацала клешнями, а Лев Арнольдovich с Аксиньей собирали в мешок провизию.

– Мы поплывем в маленькой деревянной лодке за горизонт, а потом начнется шторм, лодка перевернется, и мы наконец утонем! – возбужденно бормотал Лев Арнольдovich. – Это наилучшее завершение нашей бестолковой жизни!

В какой-то момент я засмотрелась на сияние бездны, и оттуда, из глубины, появились мертвые, чьи глаза ничего не видят: в них не было зрачков. Мертвые перемещались наугад. Чтобы удержаться вне времени, они поклонялись дьяволу.

– Мы всюду, и нет нас нигде, – говорили мертвецы.

– Блуждающие вне времени погибают, если на них попадет святая вода, какой запасаются православные на праздник Крещения, – усмехнулся межгалактический капитан и протянул мне стеклянный пузырек.

Я открыла его и обрызгала их.

Святая вода обжигала несчастных, словно серная кислота, и они превращались в пар, теряя человеческий облик. Ради существования мертвецы согласились платить столь высокую цену – служить темному лорду.

Мы заключили договор: их предводители собрались вместе, и каждый поднял над головой бамбуковую трость.

– Никогда и ни при каких условиях вы, будучи невидимыми и бестелесными, не проникнете в то пространство, где буду я, и не помешаете моему делу, и не станете мне преградой, – сказала я.

Мертвецы произнесли клятву на латыни. Смысл ее был таков, что они берут в свидетели того, кому служат, и выполнят все, чего я потребовала.

Это было необычайно торжественно.

– Идите с миром, – покровительственно сказал им межгалактический капитан.

– Ох, Полина, похоже, менты здесь. – Дернул меня за рукав дубленки Христофор и таким образом отвлек от разбора сновидений.

В электричку мы сели по поддельным социальным билетам и немного волновались, что на какой-нибудь станции в вагон зайдут контролеры и нас оштрафуют. У Льва Арнольдовича оказалось полным-полно таких билетов.

– Государство нас нагибает, а мы не гнемся! – аргументировал их наличие пожилой миротворец.

– К деду Потапу! В Чехов! – задорно выкрикивал Любомир.

Во время пятиминутной стоянки милиционеры благополучно прошли мимо, а Лев Арнольдович выскочил на перрон и купил в ларьке слойки с клубничным джемом. Я начинала чувствовать себя дочкой Льва Арнольдовича. У меня не было отца, и никто никогда не покупал мне слойки. Всё детство мама одаривала меня тумаками и твердила, что мой отец умер.

– Можно я буду называть вас папа? – спросила я Льва Арнольдовича.

На самом деле вопрос был серьезный, и мне понадобилось немалое усилие, чтобы он прозвучал просто и забавно.

– Можно, Поля, – спокойно разрешил он.

– Да! Полина нам сестра! – восторженно загалдели дети и запрыгали по вагону.

Пока мы ели слойки, Лев Арнольдович, тряся отросшей бородой, рассказывал истории из молодости.

– Мы с Потапом знакомы полвека! Когда-то вместе батрачили, строили в сибирских деревнях коровники, на это и жили.

– Папа! Расскажи, как дед Потап скovyрнулся в сугроб! – стали просить Ульяна и Любомир.

– Потап всегда считался славным парнем. Совсем не волшебником, – начал издавека Лев Арнольдович. – Он приходил домой после тяжелой работы, порол сына ремнем за неуспеваемость в школе, ставил синяки под глаз жене и, выпив бутылку водки, затыгивал «Ой, да не вечер, да не вечер...».

– Ха-ха-ха! – смеялись дети.

– Под утро Потапа обычно увозил милицейский «бобик», который вызывали соседи. «Настоящий русский мужик!» – отзывались о нем товарищи. Однажды ударил лютый мороз, и Потап поскользнулся на крыше пятиэтажного здания – он помогал дворнику сбивать сосуль-

ки. Сделав в воздухе кувырок, Потап с размаху влетел в сугроб...

– О-о-о! – восхищенно сказал Христофор, наматывая на палец соплю. – Вот это я понимаю – полет!

– Выпивши, Потап неоднократно падал с балкона, но такой полет, сынок, ты прав, был особенным! В жизни Потапа появились люди в белых халатах, заплаканная несбывшаяся вдова, грустный сынок и, самое главное, – прозрение! – сделал акцент на последнее слово Лев Арнольдovich.

– Прозрение?! – удивилась я.

– Магия! – завопил Христофор и проворно съел соплю.

Махнув на старшего сына рукой, Лев Арнольдovich продолжил:

– Потап заявил: «Я пророк!» В начале девяностых годов прошлого века к подобному заявлению отнеслись настороженно, но в психбольницу не сдали – дивиденды перестройки. Соседи и приятели перестали узнавать Потапа – он больше не пил. Почуввав недобрый знак, они разбрелись к самогонным аппаратам со жгучей обидой в душе. Жена ушла к маме. А новоявленный пророк часами сидел в коммунальной квартире и медитировал то на таракана, отдавшего жизнь тапочке, то на круг от стакана и тому подобные вселенские знаки. Затем он понял, что пришла пора донести миру благую весть! – здесь Лев Арнольдovich театрально выдержал паузу. – Потап вынул из носка двести рублей и отправился в путь-дорогу!

– Куда же он отправился? – поинтересовалась я. – На двести рублей далеко не уедешь!

– Из Сибири в Москву Потап добирался на электричках, бойко унося ноги от навязчивых контролеров. Питался, чем добрые люди угостят. Мылся снегом. Через месяц, попетляв по Руси-матушке, Потап прибыл в столицу. На вокзале его ограбили, наглядно продемонстри-

ровав, как в современном мире встречаются пророков: отняли дерматиновую куртку, шапку из собачьей шерсти, ну и, разумеется, те самые двести рублей. После этого Потап поселился в трубе под мостом. Тамошние бомжи охотно верили его байкам о спасении души и делились с ним объедками. Потап прожил в Москве около года, собирая милостыню и поучая народ мудрости, а потом решил идти дальше и отправился в Индию.

– Индия – страна чудес! – радостно пропел Христофор, облизывая палец.

– Благословенная Индия встретила Потапа большим наводнением. Сидя сутки на дереве рядом со старым индийцем и слушая его ломаный английский, он обрел бесценные знания, затем познакомился с общиной йогов, живущих на улице, – продолжил рассказ Лев Арнольдович. – Потап и его новые друзья соорудили дом из картонок. Как-то, заснув, Потап проснулся без штанов. Их сняли бродяги. Но даже в этом он увидел откровение: без потерь не постичь истину.

В Индии Потап жил пять лет, научился говорить на хинди, побывал в Гималаях.

Когда подстилки из веток ему не доставалось, он спал на голой земле или карабкался на дерево и оттуда глядел вниз – на людей и коров.

Потап научился разбираться в травах. На обед и ужин ему часто приходилось питаться ими. Он выучил мантры. «Чуткий к песням живот не урчит от голода», – так говорит Потап. И чудо, которого он так ждал, случилось: его заметил Саи-Баба. Про йога Саи-Бабу ходили легенды, будто он создает предметы из воздуха. Потап убедился в этом лично, попав к нему оборванным, грязным и голодным. Паломники выдали Потапу тарелку с фруктами и чистую одежду.

О чем беседовал он с величайшим йогом, точно неизвестно, но есть их общие фото, доказывающие, что

встреча состоялась, а не является фантазией Потапа. Затем мой друг вернулся в Москву и занялся врачеванием.

– Приехали! – разом закричали Ульяна и Любомир.

Помпоны на их шапках смешно запрыгали из стороны в сторону.

Выйдя из электрички, мы попали на торговую площадь. Дом Потапа в три этажа выделялся среди других строений: он был полукруглый, с невероятным количеством окон. Хозяин построил его сам.

– Дом в виде дерева! По веткам внутри можно лазить! – ликовали дети.

– На первом этаже не беситесь, там старые родители Потапа живут! Им под сто лет! – предупредил Лев Арнольдович. – У них тяжелая форма склероза, каждые полчаса они спрашивают: «Когда же обед?!»

Я насчитала в холле первого этажа семь окон, которые выходили на разные стороны света; с южной стороны к дому был пристроен длинный флигель с отдельным входом – обитель старых родителей.

– Я исцеляю любой недуг! – сообщил нам Потап, кланяясь по-восточному.

Это был мужчина лет шестидесяти пяти, плотного телосложения. Он был в коричневом хитоне, голову его украшал тюрбан из бежевой индийской кисеи, инкрустированный крупной рубиновой брошью.

– У Потапа во дворе есть баня с парилкой, парк с качелями и шахматы в человеческий рост! – хвастливо шепнул мне Лев Арнольдович.

– Здесь сытно кормят! – вставила Ульяна.

Потап довольно усмехнулся в бороду.

Мальчишки бросились обнимать волшебника.

Из холла первого этажа нас направили по винтовой лестнице через люк на второй этаж, где налево и направо лучились деревянные настилы-дорожки, как могучие

ветви дуба; между ними качались подвесные мосты, и каждая комната под потолком представляла собой островок, зависший в пространстве. Комнаты-острова подпирали мощные резные колонны из дерева. Внутри комнаток лежали шкуры пушных зверей и драгоценные камни. Словом, создавалось ощущение, что мы на самом деле попали к волшебнику. Стены удивительного сооружения украшали индийские безделушки, стеклярус и ветряные арфы. Бронзовые фигурки мудрого слона Ганеши смотрели на нас с перил мостков, яркими африканскими масками наполнялось пространство, и то там, то тут загадочно усмехались нефритовые Будды.

В самой верхней комнатке находилась мастерская, где Потап изготавливал лечебные амулеты из полудрагоценных камней и заваривал травы.

Лев Арнольдович, Христофор и Любомир вместе с Потапом сразу отправились в баню. А мы с Ульяной сели на ворсистый ковер, облокотившись на мягкие подушки. С нами любезно щебетали жена Потапа Анфиса, женщина лет пятидесяти, стриженная под машинку, и ее дочь Фирюзе от предыдущего брака.

Фирюзе на днях исполнилось пятнадцать. Она страдала легкой формой аутизма, но, в отличие от Аксиньи, которая постоянно мучилась агрессией, держалась спокойно. Она застенчиво улыбалась, охотно отвечала на вопросы, слегка путаясь в мыслях. Задумываясь над ответом, Фирюзе старалась произнести фразу правильно, логично выстроить предложение. Ее психическое развитие соответствовало возрасту шестилетнего ребенка, но говорила Фирюзе красиво, языком настоящей русской литературы, словно сойдя со страниц произведений Льва Толстого.

Карие миндалевидные глаза Фирюзе смотрели на мир восхищенно и внимательно, золото кожи выдавало, что

отцом ее был мужчина азиатского происхождения. Черные с темно-синим оттенком, цвета воронова крыла косы украшали красные шелковые резинки.

Фирюзе была одета в индийское сари небесного цвета, которое подчеркивало ее миловидность и изящество. Она показала нам свои рисунки, сделанные гуашью и акварелью.

– Ягненок родился в хлеву. Я рисовала на благо. Пусть ему повезет и его не съедят, не растерзают. Птица тоже живет в хлеву. Птице сломали крыло. Птица хочет попасть на небо... – сказала Фирюзе.

– Птица когда-нибудь полетит? – спросила я.

– Нет. – Она покачала головой. – Плохие люди сломали крыло. Но я подарила ей небо. Видишь, какое оно синее? Птица может его видеть.

– Молодец, Фирюзе! – похвалила Ульяна.

– Моя большая победа! Моя гордость! – похвастался Потап, забираясь через люк на второй этаж. – Раньше Фирюзе была как Аксинья! Ничего не говорила, билась головой об стену, мычала, выла, кричала! Хотя в психбольницу сдавай! Но я нашел способ, как ее излечить.

Анфиса, услышав слова мужа, вскочила и поклонилась ему в ноги, нараспев произнеся:

– Ом-м-м, Сиддха*!

– Вы и Аксинью можете вылечить? – спросила я.

– Несколько лет над этим бьюсь, – признался Потап. – Но всё осложняется тем, что ее дурная мать Тюка берет свое начало от прародительницы Евы.

– Библейской Евы? – переспросила я.

– Все женщины на Земле берут свое начало либо от Евы, либо от Лилит – первой жены Адама. – Потап подошел к столику у окна и плеснул в хрустальный бокал крас-

* Сиддхи – сверхъестественные силы, способность творить чудеса. Сиддхами также называют великих йогов.

ного вина из глиняного кувшина. – Если женщина происходит от прародительницы Евы, она неумна, некрасива, верит в примитивные религии и совершенно не умеет воспитывать детей. Дура, по-простому. Когда женщина происходит из могущественного рода свободолюбивой Лилит, ей подвластны природные стихии, черная и белая магия, она умеет проникать в параллельные миры. Такие женщины прекрасны, остроумны и полны страсти.

– Потап, сколько жен ты за жизнь поменял? За последние двадцать лет их у тебя сменилось семь! Я считал! – поддел старого друга Лев Арнольдovich, поднимаясь с мальчишками по винтовой лестнице. Распаренные, покрасневшиеся, они возвращались из бани.

– Тетя Анфиса – номер семь! – поддержал беседу Христофор.

– Потап, ты что, внучек Лилит никак отыскать не можешь? – продолжил свою мысль Лев Арнольдovich.

Потап не спускал с меня глаз и на колкость Льва Арнольдovichа никак не отреагировал.

– Ты, Полина, конечно, знаешь, что твоя прародительница Лилит? – спросил он меня, загадочно улыбаясь.

– С чего вы это взяли?! – воскликнула я.

– Увидел, едва ты вошла! – ответил Потап.

Анфиса в расшитой льняной рубашке, продолжая периодически подходить и кланяться мужу, накрывала на стол. Она приготовила к нашему приходу сочный пирог с квашеной капустой и овощное рагу в глиняных горшочках.

– Лилит тоже жена Адама? – встрял в беседу Любомир. Его розовая физиономия выглядела смущенной.

– Да, малыш. Лилит была создана Богом из вселенского огня! – объяснил Потап. – А скудоумная Ева сделана из ребра олуха Адама.

Христофор и Любомир, не сговариваясь, потрогали свои ребра.

– И мне плесни, – попросил Лев Арнольдovich, устремляясь к столику, где стоял кувшин с красным вином.

– У Лилит – недоступных созвездий венец. В ее странах алмазные солнца цветут, – процитировал Потап стихи Николая Гумилева.

От запаха съестного кружилась голова: в доме Тюки мы не видели ничего подобного, там и духовка не работала до моего прихода. Утомляясь на работе, я вечерами по-быстрому варила суп или кашу для детей, никаких изысков.

После сытного и вкусного обеда, которым нас угостили в доме Потапа, я увлеклась картами звездного неба, а потом спустилась на первый этаж и заглянула в телескоп. Дети крутились рядом.

Анфисе захотелось поделиться со мной своей историей любви:

– Такое счастье, что несколько лет назад мы с дочкой пришли на семинар о Гималаях. Дочь моя пребывала в совершенном безумии. Потап в толпе заметил нас и предложил помощь. Сейчас Фирюзе моет посуду, убирает, подчиняется правилам этикета! А я обрела мужчину!

– Семинар о Гималаях? – уточнила я, разыскивая на темном полотне неба яркие скопления.

– Потап много лет искал вход в Шамбалу. В Гималаях он познакомился с человеком, который обучил его исцелению, так он нашел свой путь, – объяснила Анфиса.

– Можете рассказать о методе лечения? – оживилась я.

– Мы можем показать! – сказал Потап, выглянув из открытого люка на втором этаже, и помахал нам бутылкой рома. Он и Лев Арнольдovich уже осушили кувшин с вином.

– Да! – Анфиса засветилась от счастья. – Есть красное, черное и белое направления! Там много физических упражнений! Но совсем маленьким детям их делать нельзя, только с десяти лет...

Услышав последнюю фразу, я сказала:

– Я, пожалуй, откажусь.

– Может, ты еще передумаешь? – с надеждой спросила меня Анфиса.

Я вежливо улыбнулась и, оставив детей у телескопа, отправилась в библиотеку на третий этаж по канатному мосту. В библиотеке были собраны книги на хинди, английском, русском, французском. Большая часть посвящалась различным эзотерическим учениям.

Из комнатки-островка на третьем этаже мне было слышно и видно, как Лев Арнольдович и Потап потребовали у Анфисы принести еще кувшин с вином из погреба.

– Шакти! Шакти! – неслось от стола, за которым пировали мужчины.

– Да, в Полине много энергии Шакти, – соглашался с другом изрядно охмелевший Лев Арнольдович.

– Я допью ее чай! Это прибавит мне сил! – воскликнул Потап.

И я увидела, как он допивает остатки зеленого чая из моей чашки, и поморщилась. Вот и пойми этих волшебников, из чего они плетут свою магическую паутину.

Назад в Москву ехали поздно.

Лев Арнольдович был пьян, но на ногах держался, периодически напоминая, что он закаленный сибиряк и никакой алкоголь над ним не властен. Я выросла в обществе, где распитие горячительных напитков страшно порицается, поэтому в душе осуждала его за пагубное пристрастие. Любомир, Ульяна и Христофор носились по вагону, несмотря на позднее время. Мы радовались, что оторвались от контролеров, и вспоминали, как по дороге в Чехов перелезли через железнодорожные пути в неполюженном месте.

Выйдя из электрички в Москве, Христофор подошел к круглосуточному ларьку и голосом заправского алкаша потребовал:

– Дайте мне бутылку «Колокольчика»!

Сорванцу продали бутылку газировки.

Мы успели на последний автобус, который шел до Битцевского парка. На сердце притаилась грусть, что этот день канет в Лету, а я не успела сделать хорошее дело: на какой-то станции мы видели бездомную собаку, которая бегала по шпалам. Я бросилась было с перрона вниз, чтобы ее вытащить, но Лев Арнольдович меня удержал.

– Ты что, Поля! Сейчас под скорый поезд попадешь! – закричал он.

– Надо ее спасти! – твердила я.

– Не смей! Тебя электричка разорвет! – Лев Арнольдович не отпускал меня. – Здесь высота два метра, я тебя не втащу обратно.

От женщин на станции выяснилось, что эта собака живет на путях уже более полугода и в любой момент может погибнуть. Иногда люди бросают ей вниз объедки.

– У нее там подстилка есть!

Мимо летел поезд. Я зажмурилась. Но собачка действительно нырнула под перрон.

В шесть утра, до работы, мы с Христофором делали уроки. Родителям такая ноша была не по силам: едва Лев Арнольдович приближался к сыну с учебником, тот начинал разбрасывать книги, рвал тетрадки и орал, что учиться не будет.

– Не заставляйте! Хрен вам! – вопил Христофор.

– Как же так, сын? Нехорошо! – увещевал его отец.

– Зачем люди учатся?! Чтобы работать! А мне работать не надо! Мы москвичи, у нас есть квартиры, и мы их сдаем в аренду. У меня и так деньги будут! – объяснял свой отказ Христофор.

Вяснилось, что раньше для этой цели был нанят репетитор, который прежде работал в психбольнице с буйными пациентами, но и он сбежал, не выдержав напора мальчишки.

Со мной Христофор сделал все уроки и даже сам собрал портфель.

– Вот так-то, – сказала я. – У нас в горах строго, заупрямишься – и всё, нет головы.

– Передам от тебя, Полина, привет бабушке Феофану! – пообещал Христофор.

Пока я занималась с ним, родители надели на Любомира памперс.

– Что это такое?! – возмутилась я.

– Любомир пописал на пол, устроил протест, – пожаловалась мне Марфа Кондратьевна.

Памперс с Любомира я тут же сняла и вручила ему половую тряпку:

– Где пописал, там вымой. Живо!

Писание на пол после этого прекратилось.

Вечером Марфа Кондратьевна, закосив под блаженную – это был ее фирменный стиль, – объявила, что договорилась со знакомым профессором во Франции: если я буду усердно нянчить ее детей, содержать ее дом в чистоте и порядке, то через пару лет смогу уехать в Париж и поступить в Сорбонну.

– Факультет русской литературы. Безоблачное будущее! Сказочный мир! Но вначале тебе нужно преданно послужить у нас! – сказала Тюка.

Несмотря на то что мое первое правило гласит «никому не верь», услышав обещания правозащитницы, я расцвела. Но когда таинственный профессор написал мне письмо на электронную почту, засомневалась.

Получив его послание сразу после разговора с Марфой Кондратьевной, раздобывшейся настолько, что

разрешила пройти в кабинет к компьютеру, я задала профессору вопрос о том, какая стипендия в Сорбонне. Мне ведь надо на что-то жить во Франции и помогать матери в России. Профессор не отвечал несколько дней, но после череды моих писем о жизни на войне признался, что пасет коз в грузинском селе. Марфу Кондратьевну видел однажды, будучи проездом в Москве, а теперь она попросила, чтобы он разыграл меня и потянул время.

– Больше я в ее аферах участвовать не буду, – неожиданно усовестился «профессор-пастух».

Получалось, что вовремя заданный вопрос моментально рушил хитросплетения, словно серебряная пуля, убивающая монстров.

– Какая же вы благодетельница, если беззастенчиво сели на шею беженке? – спросила я Марфу Кондратьевну. – Вы не оплачиваете мой труд, безнадежно лжете про Сорбонну, а моя мама по вашей милости мерзнет в ледяном доме. Мне нужно платить кредит. Помощи – ноль. И болят ноги, где были осколки от ракеты.

– Э-э-э... – Тюка не знала, как выкрутиться.

– В Москве есть правозащитные организации или русские меценаты, которые помогают реально пострадавшим на войнах? Или, может быть, вы помогаете таким людям? – засмеялась я ей прямо в лицо.

– Нет! Ничего подобного не существует! – отрезала Марфа Кондратьевна и проворно шмыгнула в кабинет. Оттуда раздался ее возмущенный возглас: – Неблагодарная чеченская скотина! Как ты всё разнюхала?!

– Талант! – в тон «правозащитнице» ответила я.

Мой гардероб составляли изношенные джинсы из комиссионного магазина. Всё, что нажила моя семья: квартиры, машину, многотысячную домашнюю библиотеку и раритетные вещи, – забрала война. Нынешнее жильё

моей матери едва ли можно было назвать домом. Чтобы она не осталась на улице, я платила кредит под грабительские тридцать шесть процентов в год, а она выносила помойное ведро к выгребной яме и продолжала греться у костра.

Отправляя маме письма, каждый раз я придумывала вымышленное имя и адрес, чтобы никто не засек нашу переписку. За людьми, пережившими войны, осуществлялся негласный надзор, и я не хотела, чтобы кто-то, помимо матери, читал мои откровения, но самое главное было, чтобы не вычислили, где я в настоящий момент обитаю. Мама жила мечтами о лучшей доле и писала ироничные стихи.

Марфа Кондратьевна исчезла внезапно.

– Где мама? – спросила я Христофора, вернувшись с работы.

– В милиции, поди, сидит, – отмахнулся Христофор.

Она отсутствовала уже вторые сутки.

– Где ваша супруга? – поинтересовалась я у Льва Арнольдовича.

– Тюка?! – Лев Арнольдович был так рад, что совсем ее не искал.

– Ну да, – подтвердила я. – Где она?

– Наверное, на митинге. Хочет переворот в стране совершить...

Напевая веселую песенку о пиратах, он взял бутылку вина и отправился к Вахтангу Давидовичу на десятый этаж.

– Мама нашлась? – периодически спрашивала я в круговороте домашних дел.

– Не знаем! – отвечали домочадцы.

– Куда же она исчезла? – задавалась я вопросом.

Все пожимали плечами.

Лев Арнольдovich наконец принялся обзванивать знакомых, которые частенько сидели в милицейских участках и любили ходить на митинги, и выяснилось, что Марфа Кондратьевна в Барселоне, но вот-вот улетит в Женеву.

– Как же это?! – в шоке спросила я.

– Ничего удивительного! – объяснил Лев Арнольдovich. – Она вышла за хлебом, ей позвонили и пригласили рассказать о Кавказе, об угнетенных народах, о войне в Чечне и оппозиции в целом. В ее сумке всегда есть деньги и загранпаспорт с многолетней шенгенской визой. Она села в самолет и улетела. Просто нас забыла предупредить. Так бывает.

С тех пор, когда она исчезала, я не беспокоилась и вопросов не задавала.

Пользуясь кратковременным отсутствием супруги, Лев Арнольдovich перенял мои замашки и начал покрикивать на детей: «Хватит баловства, я здесь главный пират!», «Слушайте старого боцмана!» и «Пикнете – не будет вам компьютера!»

Дети присмирели. Особенно благотворно подобное воспитание влияло на Христофора, который даже начал посматривать на отца с уважением.

Марфе Кондратьевне осмелевший Лев Арнольдovich отвечал по телефону следующим образом: «Ты заплутала в Швейцарии, нерадивая макака? Там и живи, фанатка Ходорковского!»

Она злилась и бросала трубку.

Прогуливаясь днем на детской площадке с Димой, Любомиром и Ульяной, я познакомилась с няней Варварой и ее воспитанниками.

– Приехала в Москву в девятнадцать лет, – поделилась она. – Попала на работу в хорошую семью. Когда ребенок подрос, его отдали в детский сад, а я ушла жить к другим

людям. Сейчас мне сорок восемь. Я еще не встречалась с женщиной. Не была на свидании. Ни с кем не целовалась. Няню чужих детей...

Варвара была видной женщиной с русыми волосами и широкой улыбкой. Ее молодость утекла как песок в любви к воспитанникам.

– Никакого отпуска, зарплата черная. Медицинской страховки нет! Нет будущей пенсии. Жилье снимать дорого. Кредит взять не могу. Работаю, чтобы содержать больных родителей. О личной жизни теперь уже и не мечтаю. Поздно! – неожиданно Варвара расплакалась.

Я сочувственно кивала.

Мне не хотелось повторить судьбу Варвары, я быстро поняла, что няня, в отличие от родителей, посвящает себя детям полностью. Няня с проживанием – катастрофа для молодой девушки. Чтобы выйти в магазин за продуктами, нужно получить разрешение хозяев. О том, чтобы встречаться с кем-то, невозможно помыслить. Где познакомиться с женщиной? На детской площадке? Но там молодые отцы, у которых есть жены. Няня всё время окружена детьми и проводит с ними больше времени, чем родная мать.

В моем случае всё усложнялось еще больше, так как главной моей целью было найти издательство и напечатать дневники, а после снять по ним фильм. И еще у меня была мечта заниматься литературой, писать книги.

Одна мысль о том, что придется жить вне литературы, приравнивалась к тому, что я нахожусь в ГУЛАГе. Я начала писать стихи в пять лет, прозу – в девять и помимо дневников сочиняла повести, рассказы и романы, которые мама нещадно сжигала или выбрасывала на помойку.

– Работать на рынке надо! – постоянно твердила она.

Только упорство, недоверчивость и упрямое желание сделать по-своему позволяли мне удержаться на плаву.

Слушая, как плачет Варвара, я закрыла глаза и увидела себя знаменитой писательницей. То, что происходит сейчас, не более чем фундамент для моих будущих произведений, все, кто меня окружают, – мои персонажи, явившиеся ко мне наяву. Я буду любить их, я буду им сострадать, и я расскажу их истории. Нужно запомнить в мельчайших деталях, как дрожат уголки губ Варвары, как прозрачная слезинка переливается на солнце, я обязана научиться переплавлять боль в искусство, иначе здесь не спастись, не выжить.

Лежа ночью на шкафу в комнате, пропахшей кошачьей мочой, сколько ни мой полы, я шепотом твердила в пустоту:

– Я не сдамся! Меня зовут Полина Жеребцова.

Из православного интерната неожиданно отпустили Глафиру. Она приехала погостить, прихватив с собой подружку Шухрат. Юркая кареглазая девушка происходила из неблагополучной татарской семьи, где папа и мама пили водку и откуда ее принудительно забрали работники соцзащиты. Обладая боевым нравом, Шухрат умела постоять за себя и осадить собеседника. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: эта юная особа добьется многого, она в отличие от родных решила идти по ровной дороге.

– Пить и курить нельзя! Мозги от этого набекрень! – заявила Шухрат, когда увидела, как Лев Арнольдович распивает коньяк.

Он внимательно посмотрел на миниатюрную татарскую девушку и стыдливо убрал бутылку за радиоприемник.

Мы с ней сразу поладили.

Шухрат в свои пятнадцать лет запоем читала книги и могла поддержать беседу на любую тему, а в философию

фии и естествознании разбиралась куда лучше Тюки-правозащитницы.

Я пришла в неопиcуемый восторг, когда после ужина Шухрат, поблагодарив меня за стряпню, отчетливо произнесла:

– Эй вы, барчуки! – Лев Арнольдoвич и вернувшаяся из Европы Марфа Кондратьевна совершенно оторопели от грубых слов гoстьи. – Вы чего побросали свои грязные тарелки и пуcтились наутек?! Ждете, что няня Полина за вами помоеет? Может, она вам и зад должна подтирать? Ну-ка, быстро взяли в руки щетку и гель и помыли за собой посуду! Совсем вы обнаглели!

Марфа Кондратьевна после этих слов выронила чашку, а Лев Арнольдoвич открыл рот, но возразить не смог. Только Глафира удивленно воскликнула:

– Почему мы обязаны мыть за собой посуду?!

– Потому что вы люди, а не скот! – беззастенчиво сказала Шухрат.

После этого все вымыли за собой чашки и тарелки и даже убрали oбъедки.

Надо ли говорить, что Марфа Кондратьевна ее люто возненавидела, а я стала хранителем ее секретов.

Когда младшие засыпали, я почти до самого утра слушала рассказы Шухрат. Она спала на старом поломанном кресле. Кресло давно не раскладывалось, и под ноги, чтобы их вытянуть, дети складывали горкой мягкие игрушки.

– Мы с Глафирой живем в каморке под самой крышей. По ночам мы мечтаем сбежать из приюта, но больше всего – сбежать из России! Мы с Глафирой перемахнем через забор, а потом через границу и будем свободны! – мечтательно вздыхала Шухрат, а Глафира согласно гукала с дивана, куда ее положили спать с Христофором, Ульяной и Любомиром.

– Осенью мы ходили в лес, провалились в болото и чуть не погибли! – пожаловалась Глафира. – Вокруг православного приюта – топь, торфяные болота!

– Где были в это время ваши наставники? – Я свесилась со шкафа.

– Не знают они ничего! – ответили девчонки.

– Как же так?!

– Да им всё равно. Лишь бы мы в пять утра на коленях молились у икон! – объяснила Глафира.

– Девочки лазают на территорию мальчиков и целуются с ними! – поделилась со мной Шухрат. – А мальчики по ночам проникают в комнаты девочек!

– Танька с Колькой уже переспали! – недовольно буркнула Глафира.

– А им сколько? – возник у меня резонный вопрос.

– Четырнадцать! – почему-то обиженно ответила Глафира.

– А мы не ходим к мальчикам! Мы не такие! – заверила меня Шухрат. – Я слежу за порядком! У нас в каморке под крышей – шариат!

– Шариат?!

– Полина, не подумай, что в православном интернате все православные! – по-доброму засмеялась Шухрат. – Я татарка и мусульманка. Папа в тюрьме, мама пьет горькую. Меня забрали из семьи и отправили туда. Никто не захотел слушать, какой я религии. Но я не молюсь по Библии, я молюсь по Корану, а все злятся, и меня уже наказывали. Не давали еду и грозились высечь розгами. Но я по-своему буду делать.

– Правильно! – поддержала я ее. – Никого не слушай, всегда делай по-своему.

– Мне в православном интернате плохо, я задыхаюсь, а в церкви, куда меня принудительно водят, случаются обмороки.

– Энергии не совпадают! – пояснила я.

– Точно! Я это говорила воспитателям. Но они не понимают, идиоты, – согласилась Шухрат.

Еще выяснилось, что, несмотря на внешнюю строгость учреждения, сын главного священника распутничает с юными послушницами.

– А на святки мы колдуем с зеркалом и свечами, – призналась Глафира.

– Дома Глафира притворяется праведницей! Библию из рук не выпускает! – продолжала подшучивать Шухрат. Глафира понуро вздыхала.

– К нам в интернат как-то мальчика привезли. Он был в модных кроссовках и симпатичной куртке. Кто-то подарил ему, пока он был на передержке. Старшие его избили и всё отняли. Никто не заступился. У нас как тюрьма. – Шухрат загрустила.

– Воспитатели не заступились? – уточнила я.

– Все знали, что мальчик – сирота, значит, никто за него не спросит, – объяснила Глафира.

Утром выяснилось, что к Диме нужно с полудня, а в почтовом отделении предлагали выгодную сделку: купишь рулон фотопленки – проявка бесплатно. Позвав детей на прогулку, я устроила фотосессию. Мы прыгали, лазили на деревянных истуканов, переодевали шапки и платки, веселились как могли. А потом я, Любомир и Ульяна пошли в дом Виктории, где нас ждал вкусный обед и мультики.

Всё в этом мире не вечно, так и Шухрат с Глафирой, обрадованные фотографиям, уезжали в интернат, едва сдерживая слезы. Шухрат в магазине за углом заметила фарфорового ангела. Статуэтка была куплена ею на заначку и подарена мне.

– Пусть ангел сбережет тебя от беды! – сказала Шухрат.

– Спасибо! Буду хранить его! – пообещала я.

К ангелу Шухрат приложила записку: «Я знаю чудесного человека, с которым никогда не скучно. Это ты, Полина!»

Ее записку я вклеила в дневник.

В начале марта в квартире, где я работала няней, начали происходить странные вещи. То с полки, будто сброшенный невидимой рукой, упал свадебный альбом Виктории, и фотографии рассыпались по полу. Я и дети напугались. То на прогулке дорогу нам перебежал черный кот, то, едва мы прошли под высокой аркой, сверху с грохотом обрушились метровые сосульки. Усмотрев в этом недобрые знаки, я насторожилась.

Вечером пришла расстроенная Виктория и сообщила, что разводится с мужем. Чужая семья – потемки, но у них был прекрасный малыш, которого я полюбила всей душой.

– Кто потом на меня посмотрит? Скоро мне исполнится тридцать! Сейчас еще можно встретить мужчину, который купит мне квартиру в Москве! – непреклонно твердила Виктория на мое предложение примириться с супругом.

От переживаний мне стало плохо с сердцем. Выпало это на субботний день, поэтому, переделав домашние дела и приготовив обед, я взобралась на шкаф и лежала там под грохот телевизора – Ульяна и Любомир смотрели мультики.

К десяти вечера с митинга прибыли Марфа Кондратьевна с Христофором.

Завоеватель, не снимая уличную одежду, полез на шкаф:

– Полина! Нам дали сладкие булки, виноград и конфеты! Незнакомый дядя дал на митинге! Пойдем с нами чай пить!

– Нет, спасибо! Болею! – ответила я.

Христофор спрыгнул с лестницы, а когда снова появился, в руке у него была кисть крупного черного винограда.

– Полина, возьми! – попросил он.

Марфа Кондратьевна на кухне истерически завизжала:

– Быстро вернись сюда, Христофор! Никакого ей винограда не положено! Чтобы мы – москвичи – прислуживали лимитчикам?! Никогда этого не будет! Ах ты нахалка! Вставай и топай на кухню! Никто тебе ничего не поднесет! Моего сына она заставила прислуживать! Нам и самим тут мало...

– Да не нужно мне ничего, – ответила я. – Оставьте меня в покое!

Христофор продолжал протягивать мне виноград.

– Иди на кухню, – сказала я ему. – А то мать отругает.

– Совсем она с катушек слетела, – ответил Христофор, положил около меня кисть винограда и был таков.

В доме правозащитников началось веселье: щедрый незнакомец пожертвовал Марфе Кондратьевне крупную сумму денег. Поэтому на время в доме появились продукты и дорогой алкоголь.

Тюка ввела в компьютер пароль, чтобы я не могла посидеть в интернете. Также Марфа Кондратьевна купила дополнительный навесной замок для кабинета, а ключ, который попытался выхватить у нее Лев Арнольдович, спрятала в бюстгальтер.

– Никто не войдет в интернет без моего разрешения! – заявила она.

Приготовив поздний ужин и покормив семейство, я вышла на улицу подышать свежим воздухом, надеясь на краткое одиночество, но не тут-то было: за мной увязались Лев Арнольдович, Аксинья и Христофор. Христофор прихватил на прогулку Мяо Цзэдуна. Оказавшись среди сугробов, кот пустил слюни, завопил дурным голосом,

оцарапал Христофора и в мгновение ока оказался на высоченной березе.

Во втором часу ночи для ближайших многоэтажных домов начался концерт.

– Кис-кис-кис! – на разные голоса звали мы кота.

– Спускайся! Мы не ляжем без тебя спать! – кричали с лоджии Любомир и Ульяна.

– Кисонька-мурлысонька, иди к папочке! – просил под березой Лев Арнольдovich.

Во дворе начали собираться соседи, набросив на пижамы разноцветные пуховики. Их советы по спасению кота мы тоже испробовали: показывали Мяо Цзэдуну колбасу, забрасывали его снежками, раскачивали дерево... Мяо Цзэдун прижался к макушке березы и плавно раскачивался. В его желтых глазах отражались все страхи мира, подсвеченные расположенными вокруг фонарями.

В четыре утра Лев Арнольдovich отправился за стремянкой. Вскрабкавшись по лестнице, он с тростью в зубах перебрался на тонкий ствол на уровень примерно пятого этажа. Береза гнулась и трещала. Соседи матерились. Подобравшись как можно ближе, Лев Арнольдovich ткнул кота тростью в бок, и Мяо Цзэдун, сделав сальто, приземлился в сугроб. Следом полетела трость.

– Видите, какой я молодец?! – спросил Лев Арнольдovich.

– Видим! Видим! – кричали я и Христофор, поймав Мяо Цзэдуна, недовольно топорщившего усы.

Вернувшись, мы обнаружили Ульяну и Любомира – малыши так и не легли спать, невозмутимую Тюку и Аксицию, которая прибежала домой раньше нас и, довольная, пила шампунь с запахом абрикоса.

Ранним утром позвонила Виктория и сказала, что няня им пока не нужна, – семейные проблемы. «Ни работы, ни зарплаты», – подумалось мне.

– А поедем-ка, Поля, в театр «Шалом»! – предложил Лев Арнольдович.

– Хорошо, – без особого энтузиазма согласилась я.

– Оторвемся от суеты! – продолжил он. – Плюнем на все горести!

– А у нас есть билеты, папа? – Христофор, прогуливающий школу, держал ухо востро.

– Какие билеты?! – хитро усмехнулся Лев Арнольдович. – Я – еврей, а это – еврейский театр! Чувствуешь связь?

Добирались мы до театра «Шалом» несколькими автобусами и троллейбусом. Сетовали, что с нами нет Глафиры и Шухрат.

Антифашистское театральное действие мгновенно перенесло нас в матрицу полей Второй мировой войны.

После спектакля важных гостей пригласили на фуршет. Лев Арнольдович подмигнул нам и шмыгнул за кулисы. Высмотрев «Путинку» – так называлась водка, – он тут же приложился к бутылке, на ходу закусывая хрустящим соленым огурцом. Мы с детьми тоже не растерялись: набрали с тарелок в сумку мармелада и халу с кунжутом. Подбадривали мы друг друга фразой из бородатого анекдота: «Это для тети Сары!»

– Нам повезло, что мы чуть-чуть евреи! – щебетали Ульяна и Любомир.

После мы отыскивали батут за сценой и прыгали на нем, а Лев Арнольдович, покачиваясь в разные стороны после «Путинки», влез на веревочную лестницу рядом с батутом и, болтаясь под потолком еврейского театра, кричал что было мочи:

– Я старый боцман! Наш бриг не потонет! На abordаж!

Домой мы вернулись поздно. Христофор выложил съестную добычу перед матерью, ни на миг не отходившей от компьютера, и сказал:

– Угощайся!

Наскоро помыв детей, я уложила их спать.

– Когда кошки умели сражаться с тиграми и кузнечики прыгали до облаков... – начал было рассказывать «правдивую историю» Любомир, но мы уснули.

До самого рассвета мне мерещилась Сусанна Черешнева. Во сне она призналась, что хочет украсть дневники и продать их под чужим авторством на Запад.

– Ничего у вас не выйдет! – сказала я ей.

– Тогда я буду вредить тебе, – пообещала она.

Сон оказался в руку: утром Марфа Кондратьевна завела разговор о своей коллеге из Финляндии.

– Ничего я ей не дам, – твердо сказала я.

– Сусанна Черешнева нынче поехала в США. Там ей оказали финансовую поддержку. Планируется крупный проект по правам человека! Она обещала вывезти тебя в Германию, – то ли придумывала на ходу, то ли пересказывала беседу с подругой Марфа Кондратьевна. – Но раз ты, Полина, не хочешь передать ей военные записи, то с Германией всё отменяется.

– Отлично. В Сорбонне я уже «отучилась!» – отрезала я.

Лев Арнольдovich, опохмеляясь, не сдержался и фыркнул.

– Ухожу по делам, – предупредила я Льва Арнольдovichа. И, дав задание детям прочитать книгу о Пиноккио, ушла, намереваясь передохнуть.

Старейший иудейский храм с величавым фасадом на «Китай-городе» встретил меня прохладно. Внутрь впустили, предварительно обыскав на наличие оружия. «Наверное, – подумалось мне, – евреям непросто охранять свои святыни».

Здание, выстроенное в эклектичном стиле, представляло собой купольную базилику. К его парадному фасаду примыкал портик, который образовали восемь спарен-

ных колонн. Изнутри синагогу украшали мозаика, растительный орнамент и роскошная лепнина. Там располагалось четыре молельных зала, в два из которых пускали женщин.

Мать моего отца, бабушка Элизабет, была польской еврейкой.

В храме, как и в театре «Шалом», чувствовалось что-то родное. Сводчатый потолок я бы сравнила с крышкой волшебной шкатулки. Здание венчал серебряный купол, украшенный шестиконечной Звездой Давида.

В просторном зале стояли деревянные скамьи. Вытащив из сумки «Алхимика» Пауло Коэльо, я попросила Бога:

– Покажи мне истину... – и открыла книгу на первом попавшемся месте.

Сантьяго вдруг понял, что может смотреть на мир как бедная жертва жулика, а может – как храбрец, отправившийся на поиски приключений и сокровищ.

Неподалеку от синагоги располагались импровизированная Стена плача и скульптура «Птица счастья» – в виде бронзовой ладони, с которой взлетает голубь.

Я сфотографировалась рядом на память.

Дома всё было по-прежнему: Христофор требовал компьютерных игр, разбрасывал вещи и топтал их ногами. Любомир метался из стороны в сторону и кричал:

– Дозу! Я требую свою дозу!

Лев Арнольдovich гонял детишек веником.

– Где мама?! – кричали они. – Она обещала нам компьютерные игры! Мы знаем пароль!

– Хочу игру про революцию! – плакала Ульяна. – Ленин с крейсера трах-бах! И всем трындец!

Марфа Кондратьевна впорхнула в прихожую за полночь.

– Гони ключ от кабинета, Тюка! – потребовал Лев Арнольдович.

– Ага, держи карман шире, – с перекошенной физиономией ответила Марфа Кондратьевна, отодвигая мужа транспарантом, на котором красовалась надпись «Путин и Медведев, мы ждем перемен!».

– Ключ! – настаивал Лев Арнольдович, и его белая борода тряслась от возмущения.

– Хрен тебе! – многозначительно ответила супругу Марфа Кондратьевна.

Лев Арнольдович разъярился:

– Я сейчас дверь в кабинет ногами выбью!

Соседи снизу стучали по батарее, намекая, что время позднее и негоже вести себя подобным образом.

Христофор и Любомир захохотали:

– Папа, у тебя ничего не получится!

– Да я голой пяткой выбью эту чертову дверь! – с вызовом пообещал Лев Арнольдович.

– Кто тебе поверит, старый пень? – презрительно бросила Марфа Кондратьевна.

Лев Арнольдович круто развернулся и стремглав побежал к кабинету, перепрыгивая через разбросанные вещи, игрушки и кошачьи «презенты». Раздался громкий удар. Замок мгновенно оказался на полу, а в самой двери образовалась дыра. Выдернув из нее ногу, Лев Арнольдович не успокоился. Он сходил за молотком, вернулся и продолжил колотить в дверь, приговаривая:

– Вот тебе заслонка! Будет тебе тайная комната! Получай!

Соседи, стучавшие по батарее, испуганно затихли. Мы с Христофором спрятались в кухне под стол, а Любомир и Ульяна полезли в платяной шкаф со словами:

– Хотим в Нарнию!

Марфа Кондратьевна недовольно сопела, сжимая связку теперь уже совершенно бесполезных ключей.

Дверь, изрешеченная дырами, тоскливо повисла на одной петле.

Лев Арнольдович орал на всю квартиру:

– Хочешь, барыня Тюка, на Руси командовать?! Не выйдет! Двери она с замками понаставила! От крепостных запираешь свои секреты?! Салтычиха!

– К психиатру тебя запишу, давно пора на сеанс, – растерянно бормотала Марфа Кондратьевна. – К проверенному. К Зинаиде.

Сидя в кухне под столом и обнимая напуганного Христофора, я вспомнила разговор у Потапа. Марфа Кондратьевна как-то уже отправляла Льва Арнольдовича к знакомому психиатру, красивой женщине сорока лет, а он в нее влюбился. Но Марфа Кондратьевна ничего об этом не ведала.

Укладывала детей я в полной темноте, так как Лев Арнольдович в апогее буйства выкрутил пробки.

– Мата Хари притащила из кабинета кактус в зубах, – шепотом объяснил матери Христофор, вылезая на четвереньках из-под стола, когда она уколола ногу.

Звонку Виктории в шесть утра я страшно обрадовалась.

– Останься с Димой у нас дома на неделю или больше, – попросила она.

Наскоро собрав Любомира и Ульяну, я ушла к ней. Нам предоставили комнату, продукты и самое ценное – спокойствие. Христофор назвал это предательством.

Некормленные и оттого злые домочадцы ежедневно ожидали меня к позднему ужину. Тюка являлась с протестных пикетов, забывая купить еды.

Марфу Кондратьевну и Льва Арнольдовича в дом Виктории я предусмотрительно не пускала из опасения, что они могут меня опозорить. Как выяснилось, правильно делала.

По возвращении я обнаружила родное семейство, погрязшее во вшах.

– Почему вы не купаетесь в ванной? Горячая вода в кране! – моему возмущению не было предела. – У нас в войну ни у кого вшей не было, люди мылись даже под бомбами, топили снег и лед. Купались в тазу!

– Некогда нам! – отрезала Марфа Кондратьевна.

Сильнее всех чесалась Глафира. Судя по всему, вшей из интерната принесла именно она, а уж где развернуться, пухоедам было.

– Неряхи! – я продолжала читать нотацию. – Ну-ка, немедленно топайте в аптеку и покупайте средство от вшей!

– Меня из школы прогнали! – хныкал Христофор. – Всё потому, что ты, Полина, оставила нас! Вот вши и набросились!

Лев Арнольдович, услышав мой наказ, схватил кошелек супруги и убежал. Купленным средством я обработала волосы Марфе Кондратьевне, Глафире, Аксинье и Христофору, после чего они уселись на диван рядышком с «намыленным» отцом и то и дело трогали руками свои головы, на которые я нахлобучила чистые пакеты для мусора.

– Чтобы вши по всей квартире не разбежались! – пояснила я семье правозащитников.

Марфа Кондратьевна ловила шустрых паразитов на длинной черной юбке.

– У вшей тоже есть семья! – сказал Любомир.

Его и Ульяну я для профилактики тоже намазала специальным средством.

– Не по-христиански это – убивать малюток! – поддержала брата Глафира. – В Средние века монахи вшей уважали!

Марфа Кондратьевна поджала губы и чесалась молча, а Лев Арнольдович горько посмеивался в бороду.

Искупав по очереди детей и забрав в стирку их вещи, я обнаружила, что в доме совершенно нечего есть. Холодильник оказался абсолютно пуст.

Ночью я не отдыхала, стирала и гладила, а как только дети проснулись, отправила их к матери.

– Мы голодные. Мама, купи еды! – попросили они.

– Я уезжаю в интернат, хоть там поем. – Глафира хлопнула входной дверью.

– Вспомнит ли Салтычиха о холопах? – задал философский вопрос в пустоту Лев Арнольдovich.

Минут через двадцать из кабинета появилась Марфа Кондратьевна. Она пошарила по закоулкам и вытащила то ли из-под плиты, то ли из какой-то сумки-авоськи заплесневелый черствый кусок хлеба. Отрезала самую зелень и, налив на сковороду подсолнечного масла, поджарила его с одной стороны.

– Гренки! – объявила она.

– Гренки – это белый хлеб, смоченный в молоке и взбитых яйцах, обжаренный с двух сторон до золотистой корочки, – возразила я.

Марфа Кондратьевна сделала вид, что первый раз такое слышит.

– Мне на митинг надо! – отмахнулась она.

Любомир, Христофор и Ульяна косились на «лакомство» с подозрением, принюхивались, но не ели. Кроме правозащитницы никто «гренки» не отведал.

Лев Арнольдovich, встав с раскладушки и искоса посмотрев на заплесневелую корку, сочинил четверостишие:

Плесень вместе с паутиной

Мужу к завтраку подать...

Как перед детьми не стыдно?!

Свиноматка! Свиномать!

Марфа Кондратьевна творчество супруга не оценила. Грозно посмотрев на меня, запикивающую очередную партию грязного белья в стиральную машинку, она выдала:

– Некоторые нахалки ходят по дому нарядные! Волосы уложат да расчешут! Губки бантиком сделают! А я – честная труженица, если не на митинге, то всегда в ночной рубаше и босая.

Лев Арнольдович не унимался.

– Читал я в книжке, – сказал он, оглядывая груды грязной посуды, накопившейся в мое отсутствие, – жила баба в Мексике. Детей не воспитывала, еду не готовила, в доме у нее был хлев, а она, эта баба, целыми днями в ночной сорочке бегала и демонстрации устраивала, а потом окончательно спятила. Скрутили ее санитары и отправили в дурдом. Но ты не переживай, Марфа Кондратьевна, в ее честь листовой чай назвали.

– Ах ты старый мерин! – взвилась Марфа Кондратьевна. – Ты вот совсем негодный стал! Еще одного ребеночка мне сделать не можешь!

– А что, у папы плохо работает? – полюбопытствовал Христофор.

– Раньше у меня молоточек был, а теперь отверточка осталась, – туманно пояснил Лев Арнольдович.

– Молоточек?! – Ульяна задумалась.

– Возьму девочку из приюта! Хочу еще ребенка! – завопила правозащитница. – Пусть детей в доме будет больше!

– Какую еще девочку из приюта?! – пошутила я. – Пропишите меня в Москве, выучите в московском вузе. Слабó?

Марфа Кондратьевна побледнела и замолчала, а дети начали скандировать:

– Полина – сестра! Полина – сестра! Полина нам вывела вшей! Ура!

– Жил с другой женой, была подушка, – пожаловался мне Лев Арнольдович. – А теперь, как спать захочу, единственные штаны с себя снимаю, сворачиваю и под голову подкладываю. Дети и гости разбирают подушки ловчее меня, никогда мне подушки не достается. По утрам штаны обратно надеваю. И это с тех пор, как последний раз женился!

Пыль в квартире лежала махровым ковром. Лев Арнольдович немного сопротивлялся генеральной уборке, но я настояла.

– Зловония не будет! – радовались дети, бестолково бегая за мной.

Кошки носились за ними следом, периодически рассыпая свой лоток, который Марфа Кондратьевна переставляла несколько раз: от своего кабинета к кухонной двери и обратно, чтобы ей меньше воняло. Но воняло всё равно на весь дом.

Стиральная машина работала без остановки, а я поняла, что отлично похудею, потому что в суматохе забыла пообедать и поужинать.

– Надо плед постирать! – мимоходом заметил Лев Арнольдович.

Плед был толстый, в красно-белую клетку.

– Он не поместится! – возразила я.

– Поместится! Запихивай! – Лев Арнольдович слушал радио «Свобода» и не хотел отвлекаться.

Я с трудом запихнула плед в стиральную машину и пошла спать.

Разбудил меня истошный крик Марфы Кондратьевны, которую ночью свинтила милиция, а к утру, разобравшись, что она – многодетная мать, благополучно отпустила.

– Кто это натворил?! – орала она.

Лев Арнольдovich с Аксиньей опрометью помчались к лесному роднику, остальные попрятались.

Оказалось, что дверца стиральной машинки при прокрутке открылась и барабан встал намертво вместе с пледом.

– Это Полина виновата! Придумала стирку! Не надо нам такого! – визжала что было сил Марфа Кондратьевна. – То вши ей мешают! То грязь! Чистюля паршивая! – Одновременно она звонила по телефону и требовала мастера.

Пока я готовила завтрак для всей честной компании, явился сантехник, покряхтел у стиральной машины и ушел.

Тюка притопала в кухню.

– Я заплатила четыре тысячи рублей! – с вызовом сказала она. – Отдай их мне! Это из-за твоей уборки сломалась машина!

Четыре тысячи рублей – деньги приличные, мой бюджет не был рассчитан на подобные траты. Марфа Кондратьевна это прекрасно знала, но ей было всё равно.

– Ты виновата! Вши ей, видите ли, не понравились! – надрывалась она. – В Средние века их называли «божьими жемчужинами»! Монахи ими гордились!

Лев Арнольдovich вернулся из леса. Канистры с водой на спине, как всегда, притащила Аксинья.

– Для того и держим, чтобы воду возила! – посмеивался Христофор над больной сестрой.

– Это папа сказал Полине постирать плед, – неожиданно произнес Любомир.

Правозащитница яростно сверкнула глазами, а Лев Арнольдovich, оробев перед взмыленной супругой, не стал ничего говорить, а попытался скрыться в комнате с раскладушкой.

Марфа Кондратьевна бросилась за ним:

– Это ты ей сказал, трухлявый пень? Ты?! Ну-ка, давай четыре тысячи рублей! Немедленно!

– Нет! Нет их у меня! – отчаянно взвизгнул Лев Арнольдovich.

– Мама! – заорал Христофор на всю квартиру. – Я тоже слышал, как папа велел Полине запихивать плед в стиралку! Она не виновата!

– Ох, Завоеватель, не лезь! – попросила я.

В дальней комнате между супругами началась потасовка: судя по всему, в ход опять пошла гладильная доска.

– Я отдам вам две тысячи! Ровно половину! – громко пообещала я с кухни. – Не убивайте друг друга!

Кто-то из почтенных правозащитников сдавленно ойкнул, и Тюка в растрепанном виде примчалась к нам с видом победителя.

– Не надо! – великодушно бросила Марфа Кондратьевна. – Он сознался!

Проездом через Москву к нам заехала чеченская семья: глава семейства Ильяс, его жена Закият и трое их малолетних детей. Они вернулись в Россию из Норвегии и теперь направлялись в горный аул Чечни.

Я взялась их размещать на ночлег по кроватям и креслам и в итоге отдала свой шкаф, так как спальных мест не хватило. Ильяс и дети уснули сразу, а Закият осталась пить чай со мной и Львом Арнольдovichем.

– Меня родители в четырнадцать замуж выдали, в школе не доучилась, – рассказала она. – Сейчас мне двадцать один год, а я чувствую себя старой. Боюсь, муж возьмет вторую, молодую жену, а потом и третью, четвертую, он хочет жить по шариату.

Мы с Закият были ровесницами. Ее старшему сыну исполнилось пять, дочкам – три и два года.

– Как в Европе живется? – поинтересовалась я.

– Мы жили шикарно. Дом с бассейном! Посobie на семью беженцев огромное, – восторженно вспоминала Закият.

Надо сказать, что от услышанного и у меня, и у Льва Арнольдовича перехватило дыхание.

– Почему же вы решили вернуться?! – удивилась я.

– Мы чеченцы, нам следует жить в родных краях, – ответила Закият, опустив глаза.

– У вас в Чечне есть дом? Помощь от государства? – изумился Лев Арнольдович.

– Ничего у нас нет. Дом разрушен войной. Мать носками торгует, сама их вяжет. Я тоже буду носками торговать на рынке, – пояснила Закият. – А муж, если повезет, через троюродного дядю в милицию участковым пристроится.

Но истинная причина отъезда из Норвегии все-таки выплыла наружу.

– Паспорта иностранные муж порвал, как только мы пересекли границу, – шепотом продолжала она. – Из России больше ни шагу не сделаем, так он сказал. В Европе мы своим детям не хозяева. Нельзя их бить, нельзя наказывать. Что из них вырастет?! Наркоманы? Геи?! Лесбиянки?! Упаси Аллах! Брат мужа ударил сына по лицу, молочный зуб выбил, а мелкий негодяй пожаловался воспитателю в саду, и всех детей из семьи забрали в приют. Вот и вся демократия в Норвегии! Мы будем в Чечне жить.

– Детей бить? – не сдержался Лев Арнольдович.

– Если заслужат, побьем. Мы знаем о чести. Муж сказал, дочек выдадим замуж в пятнадцать лет, нельзя детям давать воли, чтобы не испортить, не сделать их европейцами. Мы соблюдаем традиции предков, в этом наша сила, – сказала Закият.

Проводив гостей поутру в аэропорт на рейс Москва – Грозный, я, дети и Лев Арнольдович отправились к Потопу. Я решила, что негоже идти с пустыми руками, и купила тыквенный пирог. Лев Арнольдович меня поддержал.

– Когда я был молод, всегда покупал шоколадный кекс. Без него в гости не шел! Меня так и прозвали: Лев – шоколадный кекс, – засмеялся он.

Чтобы не опоздать на электричку до Чехова, мы перебежали через скоростную трассу, не дойдя до подземного перехода. Христофор, увидев вдалеке навороченную иномарку, от восхищения открыл рот, а промчавшаяся на скорости машина окатила нас из лужи дождевой водой, смешанной с бензином, и липкой грязью. Мы стояли с головы до ног облитые мерзкой жижой, и Лев Арнольдович, протирая глаза, сказал:

– Что, сынок, увидел крутую тачку и рот открыл? Вот тебе туда и попало!

– Нас облияло из лужи! – исковеркав слово, пожаловался Христофор, отплевываясь.

Аксинья, Любомир и Ульяна были совершенно мокрыми. Я выжимала дубленку и ругалась.

Зато в Чехове нас встретили торжественно. Лев Арнольдович не отходил от кувшина с вином, а напившись, рассказал о том, как Марфа Кондратьевна боится моих теперь уже московских дневников.

– Тюка говорит, что мы прославимся на всю Россию, – сокрушался Лев Арнольдович.

– А может, и на весь мир! – захохотал Христофор, слушая разговоры взрослых.

– Смотри, Полина, чтобы тетрадки у тебя не украли! – многозначительно посмотрев на меня, предупредил Потап.

После застолья Потап взялся построить мой персональный гороскоп. Его уговорила Анфиса. Он долго чертил что-то на ватмане, а мы ждали. Результат нас полностью разочаровал.

– Венера! Черная Луна! Юпитер в центре! – неожиданно взвизгнул волшебник, после чего покраснел и закашлялся. Больше он не сказал ни слова.

На все наши расспросы, а Лев Арнольдovich, Анфиса, Фирюзе, Христофор и Ульяна настойчиво требовали сообщить миру правду, Потап только крутил головой:

– Кому много дано, с того много и спросится!

– Ты мистик, а я слышал, что mist по-английски – туман, вот ты и пытаешься нам тумана пустить в глаза! – возмутился Лев Арнольдovich.

– Тебе, мой старый друг, я могу пустить только водки, вино-то закончилось... – ответил на это Потап.

– Полина, приезжай к нам без шумной компании, – шепнула Анфиса.

– Я связана с ними одной цепью, – отшутилась я.

Удивительный дом, внутренним устройством напоминающий гигантский дуб, навевал мысль о разбойниках. Я была капитаном пиратов, а Христофор – моим ближайшим помощником. Мы фехтовали на палках и чуть не раскрошили нефритовые статуэтки. Ульяна и Любомир ликующе прыгали вокруг, а Аксинья после бокала вина повалилась на ковер и захрапела.

В ночной электричке на Москву Лев Арнольдovich, вытащив из кармана миниатюрную детскую книжку, стал читать про барана-мудреца.

– Бе-бе-бе! – с выражением произносил он. – Наш мир полон иллюзий! Бе-бе-бе!

Вагон содрогнулся от смеха.

На какой-то станции в вагон зашли парни с цепями и кастетами. Они начали ходить с места на место и орать:

– Скинхедам бой! Скинхедам бой!

Оказалось, это – антифашисты. Лев Арнольдovich тихонько пояснил, что антифашисты дерутся со скинхедами стенка на стенку и нередко убивают друг друга.

Выглядели молодые люди очень агрессивно, из-за поясов у них выглядывали боевые ножи, а из рюкзаков торчали бейсбольные биты.

– Если что, кричим: «Мы русские! С нами Бог!» О своем еврействе мы только на Святой земле вспоминать будем, – строго предупредил меня и детей Лев Арнольдович.

Фашисты и антифашисты решили драться на той станции, где мы вышли. Они встали друг напротив друга плотными рядами и выкрикивали лозунги, перемежаемые матом:

– Россия для русских! Бей черных за белых!

– Бей скинхедов! Бей фашистов! За Россию в бой святой!

Каждая сторона насчитывала примерно пятьдесят-шестьдесят человек.

Мы с Христофором косились на фонарики в руках фашистов и антифашистов, на стеклянные «розочки» – пустые бутылки с отбитыми донышками, тяжелые стержни арматуры, и нам было страшно. Ульяна и Любомир от ужаса вовсе закрыли глаза и Семёнили за отцом на ощупь, Аксинья притихла и только кряхтела от волнения. Но я справилась с нахлынувшим оцепенением и гордо вскинула голову. Мой берет, подаренный Львом Арнольдовичем, украшала зеленая лента, такая же, какую носили воины Ичкерии.

Фашисты и антифашисты терпеливо ждали, когда мы отойдем подальше, и началась кровавая потасовка.

– Может, милицию вызвать? – спросила я Льва Арнольдовича.

– Нет, – глухо отозвался он. – Это вечный бой между злом и добром.

Продолжение следует.